

Внутренний переломъ въ жизни А. И. Бухарева (архимандрита Феодора) *).

1.

1.—Дѣтство, школа и первые года профессорства—до перелома.

Полной біографіи Александра Матвѣевича Бухарева (архимандрита Феодора), можно сказать еще, нѣтъ. Первостепенную цѣнность для будущаго біографа этого замѣчательнаго нашего богослова имѣеть, конечно, автобіографія Бухарева „Мой Герой“¹⁾; очень важны воспоминанія о немъ его же-

*) Въ настоящей статьѣ предлагаются нѣкоторыя соображенія къ біографіи извѣстнаго, но доселѣ весьма мало извѣстнаго, мыслителя Архимандрита Феодора (А. М. Бухарева), и новыя матеріалы о немъ, обработанныя, по моей просьбѣ, священникомъ А. М. Вѣлоруковымъ. Возможность появленія этой статьи почти всецѣло зависѣла отъ внимательности нѣсколькихъ почитателей памяти А. М. Бухарева, согласившихся сосредоточить въ моихъ рукахъ цѣлый рядъ неизслѣдованныхъ рукописей, впервые раскрывающихъ едва ли важнѣйшія идейныя впечатлѣнія на А. М. Бухарева. Этими лицами были: вдова А. М.—ча—Анна Сергѣевна; протоіерей Валеріанъ Викторовичъ Лаврскій; проф. Петръ Васильевичъ Знаменскій и Екатерина Александровна Лебедева. Имъ, какъ доставившимъ имѣвшіяся у нихъ рукописи и подѣлившимися свѣдѣніями, хранившимися въ ихъ памяти, приношу глубокую благодарность. Предлагаемая обработка матеріаловъ не полна и не можетъ считаться окончательной; но и въ настоящемъ своемъ видѣ всѣми интересующимися личностью и творчествомъ А. М. Бухарева, она не можетъ остаться незамѣченной, такъ какъ въ ней дается цѣлый букетъ новыхъ сообщеній о покойномъ мыслителѣ, дѣлающихъ его близкимъ намъ, и притомъ по вопросамъ, тревожно возбуждаемымъ современностью. *Свящ. П. Флоренскій.*

¹⁾ Въ 3-хъ частяхъ; написана въ сентябрѣ 1870 г. исключительно для жены, но безъ ея вѣдома напечатана М. П. Погодинымъ въ „Сборникѣ“.

ны, Анны Сергѣевны, и ученика, прот. В. В. Лаврскаго ²⁾, а также труды другого ученика, извѣстнаго проф. П. В. Знаменскаго ³⁾. Но автобіографія, собственно, обнимаетъ время лишь до поступленія въ училище и только указываетъ основныя нити дальнѣйшаго развитія. Проф. П. В. Знаменскій даетъ мастерскую картину службы архим. Теодора въ Казанской Академіи, соединяя оффиціальныя данныя съ воспоминаніями упомянутаго нами прот. В. Лаврскаго и коротко излагая возрѣнія Бухарева ⁴⁾. Въ другой своей работѣ этотъ ученый, не менѣе ярко и живо, изложилъ въ подробностяхъ богословскую полемику 60-хъ годовъ ⁵⁾. Ему же принадлежитъ о Бухаревѣ статья „Печальное двадцатипятилѣтіе“, въ которой авторъ дѣлаетъ обзоръ жизни и дѣятельности своего учителя и перечисляетъ его ученыя и публицистическія работы ⁶⁾. „Воспоминанія“ А. С. Бухаревой не всѣ цѣликомъ,

служащемъ дополненіемъ къ „Простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ“, Москва 1875 г., стр. 213—227.

²⁾ „Мои воспоминанія объ архимандритѣ Теодорѣ (Бухаревѣ)“ прот. В. В. Лаврскаго напечатаны въ „Богосл. Вѣстн.“: июль—авг. 1905, май—сентябрь и ноябрь 1906 г.

³⁾ Изъ учениковъ Бухарева слѣдуетъ еще упомянуть А. А. Лебедева, но онъ уже не засталъ арх. Теодора въ Моск. Академіи и познакомился съ нимъ въ Петроградѣ; въ 1862 г. имъ издана книжка въ защиту о. Теодора отъ нападокъ Аскоченскаго: „Пріемы, званіе и безпристрастіе въ критическомъ дѣлѣ редактора Домашней Бесѣды В. И. Аскоченскаго“. Спб. (Содержаніе ея см. у П. В. Знаменскаго — „Богословская полемика 60-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современности“, стр. 64—72 (гл. VII-я). Казань 1906 г., а первоначально напечатана полемика въ „Правосл. Собесѣдн.“ 1902 г.). Письма Бухарева къ А. А. Лебедеву см. въ этой книжкѣ „Богосл. В.“. Въ газетѣ „Голосъ“ (1871 г., № 121) А. А. напечаталъ некрологъ своего учителя.

⁴⁾ „Исторія Казанской Духовной Академіи за первый (дореформенный) періодъ ея существованія (1842—1870 гг.)“, въ трехъ выпускахъ. Казань 1891 г., стр. 124—135, 176—180; II, 185, 205, 221, 271—272. В. В. Розановъ объ этой исторіи въ статьѣ „Аскоченскій и архим. Теодоръ Бухаревъ“ пишетъ: „Проф. Знаменскій съ тою талантливостью, которою часто отличаются у насъ люди духовнаго образованія, ваяя темою не канцелярскую и бюрократическую сторону исторіи Казанской Духовной Академіи, а личную и бытовую. И, вмѣсто пересказа содержанія разныхъ циркулирующихъ бумагъ, далъ изумительныя по яркости и типичности. изображенія ректоровъ, профессоровъ... Мертвецы встали изъ гробовъ.“ — „Оксло церковныхъ съезъ“. т. 2-й, стр. 19.

⁵⁾ „Полемика“ мы пользуемся въ отд. изданіи—Казань 1906 г.

⁶⁾ „Печальное двадцатипятилѣтіе“ напечатано въ „Правосл. Собесѣдн.“

къ сожалѣнiю, пошали въ печать ⁷⁾). Кроме еще „Воспоминанiй“ М. П. Погодина ⁸⁾ можно упомянуть отзывы и статьи о Бухаревѣ профессоровъ Московской Академiи его времени и другихъ авторовъ ⁹⁾).

1896 г., есть и отдѣльно — Казань 1896 г. „Печальное“ прибавлено къ требованiю академич. цензурнаго комитета. Статья, съ поправками, перепечатана для предисловія къ книгѣ „О православiи въ отношенiи къ современности“ (архим. Ѳеодора), переизданной въ приложенiи къ „Церковному Голосу“ за 1906 г.

⁷⁾ Воспоминанiя А. С. Бухаревой — Сб. „Свободная совѣсть“. Кн. первая. М. 1906, стр. 1—20; противъ рукописи здѣсь недостаетъ свѣдѣній о дѣтствѣ (по автобіографіи А. М. Б—ва) и о времени студентства. Въ другой, еще неопечатанной рукописи воспоминанiй ея, сообщается о взаимоотношенiяхъ о. Ѳеодора и вѣмѣстника лавры Антонiя; м. Филаретъ поручилъ своему любимцу и духовнику руководить Бухаревымъ, вѣроятно, послѣ того, какъ послѣдній представилъ на одобренiе митрополиту свое первое письмо къ Гоголю. Размолвка съ Антонiемъ, по воспоминанiямъ А. С—ны, была поводомъ къ переводу архим. Ѳеодора въ Казань.

⁸⁾ Напечатано въ „Сб., служащемъ дополненiемъ къ Простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ“ М. 1875 г. и отдѣльно.

⁹⁾ Н. Гилярова-Платонова. „Изъ пережитаго“, т. II, стр. 295. М. 1886 г. Въ юбилейномъ сборникѣ „У Троицы въ Акад.“ есть письмо проф. П. С. Казанскаго къ А. Н. Вахметевой (№ 36), въ которомъ онъ называетъ Бухарева головой „пылкой, во туманной“, его попытку объяснить Апокалипсисъ считаетъ за „пунктъ помѣшательства“, отмѣчаетъ „основной пунктъ книгъ и статей“, идеализмъ, литературныя неудачи и „мнѣніе монашествующихъ, что послѣ Свящ. Писанiя сочиненiя о. Ѳеодора первыя“; далѣе онъ сообщаетъ о перепискѣ Бухарева съ м. Филаретомъ объ Апокалипсисѣ, читанной имъ; по его мнѣнiю, „Бухаревъ былъ правѣе митрополита“ и что „есть какая-то притягательная сила для умовъ мечтательныхъ въ толкованiяхъ на Апокалипсисъ“. Но гораздо важнѣе для насъ его замѣтка о бытiи о. Ѳеодора въ Академiи. Стр. 511. Прот. С. К. Смирновъ. „Ист. Моск. Духовной Академiи“. Москва. 1879 г. Въ приложенiи къ ней напечатано письмо архим. Ѳеодора къ прот. А. В. Горскому о мотивахъ снятія сана и отвѣтъ. Стр. 628—32.—См. также отзывъ Преосвящ. Ректора, еп. Ѳеодора о работѣ Писова на тему „Архим. Ѳеодоръ (Б—въ) и его богословскія воззрѣнiя“ въ „Журналахъ Совѣта М. Академiи“ за 1912 г., стр. 350—2, и того же автора „Изъ чтенiй по Пастырскому Богословію (Аскетика)“, Серг. Пос. 1911 г., стр. 75—7.—*Ѳ. Кедровъ* считаетъ Бухарева свѣтломъ Московской Академiи въ созвѣздiи Ѳ. А. Голубинскаго, А. В. Горскаго. Гилярова-Платонова—„У Троицы въ Академiи“, стр. 223.—На 123-й стр. читаемъ въ примѣчанiи *пр. Н. Д.*: „Проф. Н. Д. Андреевъ совершенно справедливо говоритъ, что А. М. Бухаревъ „ключительное явленiе исторiи Русской Церкви“; далѣе отмѣчается „прекраснѣйшая характеристика высокой и замѣчательнѣйшей личности В—ва“

Если взять послужной списокъ архим. Θεодора ¹⁰⁾ и обратитъ

Знаменскаго въ указанной уже нами его „Ист. Каз. Д. Акад.“ и вниманіе къ Б—ву „современныхъ богоскитателей“. — Въ этомъ же сборникѣ С. Кедровъ (статья: „Студенты-платоники“) даетъ цѣнные свѣдѣнія объ А. М. Ивановѣ-Платоновѣ и приводитъ его отзывъ объ о. Θεодорѣ. Стр. 739-я.—М. А. Горскій (стр. 437—8) высказывается о полемикѣ о. Θεодора и „Правосл. Обзор.“ съ В. И. Аскаченскимъ. — Прот. С. С. Модестовъ („Изъ воспоминаній“) пишетъ: „О Гоголѣ даже на классѣ Свящ. Писанія читалъ лекцію извѣстныя о. арх. Θ—ръ Б—въ, причислявшій Гоголя чуть не къ пророкамъ-обличителямъ, въ родѣ Іереміи, плакавшемъ о порокахъ юдскихъ. О. арх. Θεодоръ былъ личный другъ Гоголя, который пріѣзжалъ къ нему и посѣталь академическое общеніе“... Стр. 121. На стр. 124 читаемъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ: „арх. Θ—ръ Б—въ“ читалъ „Ветхія Завѣты“; онъ, „по своему мистическому взгляду... обыкновенно приводилъ туманное объясненіе священныя ветхозавѣтныхъ событій и обрядовъ въ примѣненіи къ Новому Завѣту; особенно долго останавливался на сближеніи 3-й кн. Эздры съ Апокалипсисомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ не оставлялъ разяснять намъ свою любимую идею о внутреннемъ проникновеніи души человѣческой истинною Христовою при всѣхъ случаяхъ нашей земной современной жизни. Извѣстно его на эту тему сочин.: „Объ отношеніи православія къ современности“... Авторъ неправильно еще замѣчаетъ, что Б—въ умеръ въ Твери,—А. М. скончался въ Переславлѣ, Владимір. губ. — Кромѣ упоминаемой статьи В. В. Розанова „Аскаченскій и арх. Θ—ръ Б—въ“ въ кн. „Около церковныхъ стѣнъ“ есть еще статья: „Свящ. А. Устинскій о раздвоеніи жизни“ и 4 письма къ В. В—чу А. С. Бухаревой. См. также „Въ міръ вѣснаго и вѣршеннаго“, ст-лю „Бракъ и христіанство“.—Проф. М. М. Тарневъ. „Основа христіанства“, т. IV, стр. 314—335, изд. 2-е, Сергіевъ Посадъ, 1908 г.—Нужно также отмѣтить замѣчательныя по проницательности взгляда брошюры С. Дурьмина изъ серіи „Война и культура“. „Градъ Софія (Царь-градъ и Св. Софія въ русскомъ народномъ религиозномъ сознаніи)“. М. 1915 г. Въ ней, въ 28-мъ примѣч. (стр. 84) указываются дѣятели православія въ Россіи за 19-й вѣкъ и въ ряду религиозныхъ мыслителей—арх. Θ. Б—въ. Другая брошюра этого автора—„Церковь невидимаго града (сказаніе о градѣ Китежѣ)“, М. 1914 г., изд-во „Путь“, прямого отношенія къ имени Бухарева не имѣетъ, но имѣетъ цѣну для сужденій о толкованіи Апокалипсиса; объ брошюры можно разсматривать и какъ свидѣтельство о глубокомъ интересѣ къ православію современнаго общества.

¹⁰⁾ Пользуюсь спискомъ, любезно предоставленнымъ (въ копіи) П. Н. Каптеревымъ. На оборотѣ помѣщенъ списокъ арх. Фотія (Романовскаго), а на другой половинѣ листа сопроводительное письмо арх. Кирилла (отъ 15 окт. 1878 г. изъ С.-Петербурга) ректору М. Академіи прот. С. К. Смирнову. Въ немъ сообщается, что „порученіе выполнено благодаря... добротѣ секретаря С.-Петербургскаго Цензурнаго Дух. Комитета Е. И. Ловягина“. Это „второе порученіе“ в безъ сомнѣнія для „Ист. М. Д. А.“, вышедшей въ свѣтъ въ слѣдующемъ 1879 г.

судиманіе, что оный по службѣ далѣе архимандритства и профессорства не пошелъ, то 1853-й годъ будетъ чертою между блестящимъ движеніемъ вверхъ, а съ другой стороны—начала служебной заминкой, а потомъ пониженіемъ, закончившимся сверхъ формуляра снятіемъ сана ¹¹⁾, жизнью полной лишений и преждевременной смертью ¹²⁾.

Въ квадратныхъ скобахъ напечатаны мои поправки и замѣчанія: по „Исторіи М. Д. А.“ прот. С. К. Смирнова и „Ист. Каз. Д. Академіи“ П. В. Знаменскаго. „*Архимандритъ Теодоръ (Бухаревъ)*, сынъ Діакова, изъ Тверской епархіи. (Въ 1861 г. ему было 39 лѣтъ отъ роду). Обучался въ Тверской Семинаріи съ 1837 по 1842 г., въ Московской Духовной Академіи съ 1842 по 1846 г. Постриженъ въ монашество 1846 г. Іюня 8-го. Рукоположенъ во Иеродіакова Іюня 9-го, во Иеромонаха Іюля 15-го. Определенъ бакалавромъ Академіи по классу Библейской Исторіи и Греческаго языка Октября 10-го. [Въ 1846 году переведенъ на классъ чтенія св. Писанія]. Возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора 1852 г., Ноября 13-го, въ санъ Архимандрита—1853 г. Августа 26-го. Перемѣщенъ въ Казанскую Академію (неизвѣстно на какую кафедру) 1854 г. Августа 31-го. [На кафедре Догматическаго Богословія—до 19-го Іюля 1857 г. А. Б.]. Утвержденъ Св. Синодомъ въ званіи ординарнаго профессора 1854 года, Ноября 13-го. Назначенъ членомъ Цензурнаго Комитета при Казанской Академіи 1854 года, Ноября 26-го. Назначенъ членомъ редакціоннаго Комитета по изданію Православнаго Собесѣдника 1854 года, Декабря 13-го. Назначенъ Инспекторомъ Казанской Духовной Академіи 1855 года, Сентября 22-го. Награжденъ орденомъ Св. Анны 2-ой степени 1857 года, Апрѣля 17-го. [Перемѣщенъ на кафедру Нравственнаго Богословія 1857 года, Іюля 19-го.—Знаменскій П. В. По опредѣленію Св. Синода, перемѣщенъ въ Сибургскій Комитетъ для цензуры духовныхъ книгъ 1858 года, Января 11-го. По указу Св. Синода, согласно его прошенію по вниманію къ разстроенному состоянію здоровья, помѣщенъ въ число братства Никитскаго Переславскаго монастыря, Владимірской епархіи 1861 года, Апрѣля 20-го.

Списокъ можно дополнить еще слѣдующими данными и датами. Въ Казанской Академіи, кромѣ Догматическаго и Нравственнаго Богословія ст. Θ—ръ читалъ противораскольническую миссіонерскую педагогику на миссіонерскомъ отдѣленіи (П. Знаменскій II, 209, 308—309; лекція по этому предмету напечатаны въ кн. „О православіи въ отношеніи къ современности V ст XII“); „Вразумленіе раскольниковъ изъ Евангелія, стр. 275—302; былъ членомъ вѣдшаго или окружнаго правленія Казанской Академіи съ 1854 г. до конца инспекторства—I, 321; ревизовалъ Симбирскую семинарію 1856 г.—I, 339, 341.

¹¹⁾ 31 іюля 1863 г. см. письма Б—ва къ А. А. Лебедеву. О мотивахъ—письмо къ А. В. Горскому 2-го апр. 1871 г.

¹²⁾ 48 лѣтъ отъ чахотки; Знаменскій говоритъ, что Б. „скончался на 47 г. своей жизни“ „Ист. Каз. А.“ I, 180. Наша дата основывается на рѣдовахъ А. С. Бухаревой.

Блестящія природныя дарованія Бухарева обнаружились еще въ раннемъ дѣтствѣ и сулили мальчику блестящее будущее. Онъ и самъ очень рано сознаетъ себя „на пьедесталѣ“, на который попалъ какъ любимецъ родителей и всѣхъ окружающихъ ¹³). Въ автобіографіи Бухаревъ вспоминаетъ: „Мой Герой“ съ самаго дѣтства располагалъ и влекъ къ себѣ другихъ людей немножко своими бойкими дарованіями по ученію, болѣе своею открытою добродушною общительностію съ другими, болѣе же всего, кажется тѣмъ, что у него сквозь всегдашнюю его скромность и даже боязливость, обыкновенно просвѣчивала какая-то внутренняя живость, какой-то огонекъ, всегда теплившійся у него въ въ душѣ. Помнится, однажды еще въ отроческомъ кругу товарищей, когда среди веселаго ихъ говора и шума мой герой тихо стоялъ въ уголку, одинъ изъ нихъ обратилъ на него общее, живое, веселое вниманіе. „Смотрите, смотрите“, указывалъ онъ на него другимъ, — „какъ почти каждую минуту вспыхиваютъ у него глаза, вотъ, вотъ — вѣдь это живой огонь!“ Отмѣчали огонекъ въ душѣ Бухарева и другіе. Бывало „въ лѣсу, [куда онъ любилъ ходить за грибами съ своимъ отцомъ, мальчуганъ случайно разговорится съ понавшимися мужикомъ, и такъ иногда, самъ того не вѣдая, разогрѣетъ его душу, что „тогда такъ и заслушается“ ¹⁴). „Есть въ тебѣ Божья искра“, сказалъ одинъ изъ такихъ лѣсныхъ слушателей мальчику“ ¹⁵).

И въ годы ученья, при своихъ блестящихъ дарованіяхъ, Бухаревъ былъ „лучшимъ въ свое время воспитанникомъ“ Тверского училища, „нѣкотораго рода феноменомъ“ въ Тверской семинаріи и лучшимъ студентомъ въ Московской Академіи ¹⁶), а это само собою поддерживало его на той высотѣ, на какой онъ чувствовалъ себя еще съ дѣтства среди окружающихъ ¹⁷).

¹³) „Мой Герой“—автобіографія Бухарева, въ „Сборникѣ, служащемъ дополненіемъ къ простой рѣчи о мудреныхъ вещахъ“ М. П. Погодина Москва 1875 г. стр. 223.

¹⁴) Тамъ же, стр. 220.

¹⁵) Ib., 221.

¹⁶) П. В. Знаменскій „Ист. Казанской Акад.“ вып. I, 124—125; Ц 206—207.

¹⁷) „Маскируя предъ другими свои дѣтскія шалости, даже и веселыя“

Авторъ „Исторіи Тверской Семинаріи“ В. Колосовъ ¹⁸⁾ описываетъ необыкновенный приемный экзамень, произведенный ректоромъ архим. Аванасіемъ ¹⁹⁾, на которомъ обнаружилась и не обычное же развитіе Бухарева, тогда (въ 1837 г.) поступавшаго изъ Тверскаго духовнаго училища въ семинарію.

„На этихъ экзаменахъ, сообщаетъ историкъ, ректоръ Аванасій поступалъ согласно съ преждеустановленными порядками. На экзамены сначала не являлись ученики Тверскаго училища, потому что они были экзаменованы предъ каникулами, и на публичномъ ихъ экзаменѣ былъ не только Аванасій, но и самъ высокопреосвященный Григорій, тогдашній Архіепископъ Тверской, который по окончаніи экзаменовъ утвердилъ и переводные списки. Наколонецъ и ихъ вытребовалъ на экзамень по распоряженію ректора. До этого времени нѣкоторые изъ учениковъ приобрѣли себѣ уже авторитетъ. Такъ изъ старинныхъ учениковъ отличался первый ученикъ Левъ Рубцовъ, изъ Ржевскихъ Иванъ Филаретовъ. Леву Рубцову было 18 лѣтъ отъ роду, и онъ смотрѣлъ уже довольно зрѣлымъ юношей. Какъ только явились на экзамень ученики Тверскаго училища, ректоръ вызвалъ по обычаю своему первыхъ учениковъ. Съ другими учениками выпелъ и Тверской. Это былъ А. Бухаревъ, маленькій худенькій, желтенькій мальчикъ лѣтъ 15. Левъ Рубцовъ посмотрѣлъ на него съ презрительною улыбкою. О. ректоръ сталъ экзаменовать. Отвѣты Бухарева были лучше всѣхъ учениковъ. Что ни спросить о. ректоръ, Бухаревъ на все удовлетворительно и скоро отвѣтитъ, и даже покажетъ неудовле-

вня.—разсказываетъ Бухаревъ въ автобіографіи про себя,—онъ уже чрезъ это отстаивалъ свой пьедесталикъ, въ который его ставила общая любовь и ласка. Впослѣдствіи моему Герою пришлось много страдать и горько плакать отъ развившихся плодовъ этого несчастнаго посѣва на дѣтскую еще его душу,—посѣва, поддержаннаго и оплодотвореннаго, разумеется, послѣдующими вліяніями и обстоятельствами—стр. 222.

¹⁸⁾ Тверь, 1889 г. стр. 342—8.

¹⁹⁾ „Ист. Тверск. Сем.“ даетъ о немъ слѣдующія свѣдѣнія: архим. Аванасій II-ой, въ мѣрѣ Андрей Соколовъ, изъ воспитанниковъ Костр. сем.—ріи и Петербургской Академіи (VI к.) магистръ, бакалавръ С.-Петербургской Академіи, инспекторъ Псковской сем.—ріи, ректоръ Харьковскаго Коллегіума, Черниговской, Тверской, Сп.бургской семинаріи, епископъ Томскій (и Висейскій), Иркутскій и Казанскій (въ 1856 г.), въ 1866 г. ушелъ на покой, а въ нач. 1868 г. скончался.

творительность отвѣтовъ другихъ учениковъ, съ нимъ вызванныхъ, въ случаѣ если кто изъ нихъ поспѣшитъ отвѣтить прежде его и отвѣтитъ за поспѣшностью, неудачно. И самъ Рубцовъ долженъ былъ уступить первенство Бухареву. „О! Да ты отлично-хорошо отвѣчаешь!“ сказалъ о. ректоръ; а я думалъ, что вы не ходите на экзаменъ потому, что ничего не знаете. Молодецъ! тебѣ не Бухаревъ фамилія, а Орловъ, Соколовъ! Отлично“. Бухаревъ осмѣлился сказать ему, что Тверскіе явились на экзаменъ не готовившись; они думали, что ихъ экзаменовать не стануть. „Ладно, ладно, я посмотрю. Ну-ка скажите мнѣ еще“. Онъ задаетъ первымъ ученикамъ что-нибудь перевести или сказать локуцію какую. Бухаревъ опять лучше всѣхъ. „Превосходно“, кричитъ о. ректоръ, вошедшій въ паюсъ. О. ректоръ вызвалъ вторыхъ учениковъ изъ всѣхъ училищъ и въ числѣ ихъ втораго ученика Тверскаго училища. Это былъ Евграфъ Ловягинъ, сынъ каѳедрального протоіерея Ив. Яковлевича Ловягина, ректора Тверскаго училища... Оказалось, что изъ вторыхъ учениковъ Ловягинъ былъ лучше всѣхъ. Выслушавши отвѣты о. ректоръ сказалъ: „Тверскіе отлично! Молодцы“. И „третій ученикъ Владиславлевъ²⁰⁾ не посрамилъ себя..

„На слѣдующій день еще экзамены. О. ректоръ явился суровымъ въ классъ Вызвавши по обычаю первыхъ учениковъ, онъ, обратившись къ Бухареву, сказалъ: вы меня обманули. Вчера съ вамъ случайно удалось отвѣтить: вотъ я васъ проберу!“ Впослѣдствіи оказалось, что о. ректоръ это нутилъ только. Начались экзамены. Тверскіе опять лучше всѣхъ, и особенно Бухаревъ. О. ректоръ не вытерпѣлъ. „И нарочно сердитымъ пришелъ, чтобы испугать васъ; а вы ничего не боитесь:—отлично хорошо! Спасибо! постой, сказалъ онъ Бухареву; на вотъ тебѣ на пряники“. И о. ректоръ вынулъ 5-ти рублевую спянькую бумажку и далъ Бухареву, Л. Рубцову досадно было. Видя, что Бухаревъ побиваетъ его на устныхъ отвѣтахъ, онъ говоритъ о. ректору: „о ректоръ!

²⁰⁾ Вас.—2-ой магистръ XV курса Моск. Акад. (о немъ, кромѣ Исторіи Колосова стр. см. у Лавровскаго В. В. 1905, стр. 311—13) Бухаревъ 3-ій того же курса, Мих. В. Тихонравовъ—6-ой (изъ Владимірской сем. Владиславлевъ и Тихонравовъ—друзья Бухарева въ Академіи Номера въ рядѣ друзей показываютъ, какъ и въ академіи онъ „цѣплялся за шпалы стальной“.

позвольте намъ написать что нибудь на бумагѣ; дайте намъ какое-нибудь предложеніе“. „Развѣ ты можешь писать?“— „Могу“... Въ Старицкомъ и Ржевскомъ училищахъ учениковъ 4-го класса пріучали писать періоды и хрѣи по тогдашнимъ реторикамъ. Этихъ правилъ, какъ не положенныхъ по уставу, въ другихъ училищахъ не преподавали. „Въ Тверскомъ объ нихъ и не слыхали. О. ректоръ далъ какую-то тему. „Пишите кто хочетъ и какъ умѣете, и кто скоро напишетъ, читайте мнѣ“. Началась работа. Наморщились лбы; заскрипѣли перья... Прежде всѣхъ написалъ на заданную тему М. Рубцовъ. Онъ вышелъ на средину и прочиталъ написанное. „Очень хорошо! Весьма хорошо! Благодарю!“ сказалъ ему о. ректоръ. „Постой, на тебѣ!“ Онъ далъ Рубцову пятирублевую ассигнацію. Рубцовъ былъ въ восторгѣ. То же повторилось и со Ржевскимъ, Филаретовымъ. И тому далъ 5 рублей. Выходитъ Бухаревъ. Вниманіе всѣхъ обратилось на него. Онъ прочиталъ то, что написалъ. О. ректоръ вскочилъ съ кресла. „Отлично хорошо! Превосходно! Лучше всѣхъ, весьма благодарю! Поди ко мнѣ! На тебѣ 10 рублей. Отлично хорошо! Лучше всѣхъ“. Затѣмъ читали нѣкоторые изъ первыхъ учениковъ училищъ, а иные совсѣмъ и не выходили. Послѣ первыхъ учениковъ читали вторые и изъ нихъ Ловягинъ оказался лучше всѣхъ. Потомъ третьи и—опять Тверской лучше всѣхъ. Рубцовъ опять подходит къ о. ректору, и говорить: „позвольте еще написать“. „Изволь пиши! Кто хочетъ напишите всѣ“. На заданную тему опять задачка у Бухарева лучше всѣхъ. „Позвольте намъ на дому подумать“, сказала Рубцовъ, не желая потерять первенство свое. Ректоръ согласился и далъ тему: „Иудеи говорятъ, что Господа ученики украли: докажите, что Онъ воскресъ“. Работа была дана въ субботу, въ 3-мъ часу, а къ понедѣльнику задачи были готовы: лучше другихъ оказалась задачка у Бухарева, такъ что о. ректоръ пригласилъ послушать ее всѣхъ наставниковъ, затѣмъ у Рубцова и нѣкоторыхъ другихъ. Ректоръ открылъ, что иные пользовались трудомъ семинаристовъ высшаго отдѣленія и виновные были наказаны. Наставники, слушавшіе задачку Бухарева и другихъ учениковъ училища, дивились тому, не учившись правиламъ реторики, писать складно и резонно, и выражали сомнѣніе, что Бухаревъ и другіе ученики списывали съ

другихъ тетрадокъ и не сами дѣлали задачки. Ректоръ горячо отстаивалъ мальчиковъ; ему видимо не хотѣлось разочароваться въ ихъ способностяхъ, но потомъ поколебался особенно когда одинъ изъ наставниковъ, Ив. Гр. Рубцовъ, сильно и настоятельно увѣрялъ его, что нѣтъ никакой возможности въ одни сутки, не учившись правиламъ составленія сочиненій, написать цѣлый листъ, какъ у Бухарева. „Я даю голову на отсѣченіе, что они не сами писали“,—говорилъ Рубцовъ. Бухаревъ и другіе увѣряли, что сами писали; но Рубцовъ былъ непреклоненъ. „Вѣдь вотъ поймали же вы, о. ректоръ обманщика, которому богословы написали задачку. И тутъ обманъ и надувательство“. Классъ кончился и всѣ разошлись по домамъ.

Часовъ въ 7 вечера вдругъ является на квартиру къ Бухареву и В. вѣстовой отъ ректора съ требованіемъ, чтобы они принесли свои черновыя тетради, на которыхъ писали задачки, и сами тотчасъ явились къ ректору... Замерло сердце у бѣдныхъ мальчиковъ. Схвативши свои черновыя тетради и собравшись на-скоро, они отправились къ ректору. На квартирѣ ректора собралось нѣсколько наставниковъ, въ томъ числѣ и Рубцовъ И. Г. Когда мальчики явились къ ректору, онъ, увидѣвши ихъ, сказалъ; „а! подите сюда! Докажите вотъ этому Оумѣ невѣрному, что вы сами писали задачки“. Ректоръ указалъ на И. Г. Рубцова. „Да какъ хотите, о. ректоръ,—сказалъ Рубцовъ,—я ни за что не повѣрю, чтобы они сами писали. Покажите ваши черняки, сказалъ онъ быстро Бухареву. Бухаревъ вообще писалъ не слишкомъ хорошо и разборчиво, особенно когда спѣшилъ. Онъ иногда не дописывалъ окончанія словъ, не доканчивалъ цѣлой мысли, если она очевидна по ходу рѣчи. И. Г.—чѣ это замѣтилъ, и съ торжествомъ, обращаясь къ ректору, говорилъ: „вотъ, вотъ посмотрите, о. ректоръ, очевидно, что списано. Какъ быть подъ рукой чужой чернякъ, такъ съ него и списано“. Бухаревъ до слезъ увѣрялъ, что онъ самъ писалъ задачку... Рубцовъ слышать ничего не хотѣлъ. „Да помидуйте, о. ректоръ, я шесть лѣтъ учился въ семинаріи, четыре года въ Академіи, 15 лѣтъ профессоромъ и священникомъ; а велите мнѣ написать къ завтраму то, что тутъ написано,—воля ваша, я не могу; я отказываюсь. Это бытъ не можетъ, чтобы они сами писали“. Ректоръ молчалъ, мнѣ-

нѣ другихъ раздѣлились. Наконецъ испугъ мальчиковъ и слезы, по просьбѣ Бухарева, кончились новой работой. „А вотъ съ этимъ я согласенъ“, сказалъ И. Г—чь. Вотъ напишите при моихъ глазахъ также, какъ это написано, ну тогда я повѣрю“. Прочіе наставники согласились на это. Ректоръ далъ тему. „Да чтобъ они не стакнулись“, говорилъ И. Г—чь, — „вы дайте, о. ректоръ, разныя предложенія, и посадите ихъ въ разныхъ комнатахъ“. И. Г—чь то и дѣло подходилъ то къ одному, то къ другому, осматривая со всѣхъ сторонъ, не списываютъ ли они откуда, хотя писать рѣшительно не откуда было. Черезъ нѣсколько времени Бухаревъ вышелъ къ ректору, чтобы прочесть написанное. Вниманіе всѣхъ съ жадностію было обращено на него. Онъ кончилъ чтеніе, ректоръ не вытерпѣлъ, вскочилъ съ дивана, подбѣжалъ къ Бухареву, обнялъ и поцѣловалъ его. „Другъ ты мой“, сказалъ онъ ему: „выручилъ ты меня. утѣшилъ! Отлично, хорошо! Что И. Г—чь?“ „Очень хорошо, прекрасно“, — вторили другіе ректору. И. Г—чь покачалъ плечами. „Позвольте, о. ректоръ, еще дать ему предложеніе! Не постигаю!“ „Изволь, изволь, пиши“, говорилъ Аванасій, входя въ свой паюсъ. „Пиши, молодецъ, пиши!“ Бухареву дали другое предложеніе. Онъ и на это написалъ очень скоро и хорошо, и прочиталъ предъ ректоромъ и наставниками. Владиславлевъ тоже написалъ на данное ему предложеніе очень хорошо. Когда прочитали они задачи свои предъ ректоромъ, ректоръ не зналъ, какъ выразить свой восторгъ. „Молодцы! Прекрасно! Отлично хорошо! кричалъ онъ на всю комнату. Пойдите, вотъ вамъ на пряники“. Онъ вынулъ кошелекъ и далъ еще денегъ Бухареву и его товарищу. Мальчики готовы были плакать отъ радости. И. Г—чь обнималъ ихъ и цѣловалъ; прочіе наставники ласкали всячески. Ректоръ попенялъ на И. Г—ча, что мальчиковъ изъ-за него такъ мучили... „Ступайте, братцы, домой“, сказалъ И. Г—чь, „отпустите ихъ, о. ректоръ.“ — „Хорошо! только стойте: кто васъ училъ писать?“ спросилъ онъ у мальчиковъ. — „Насъ никто не училъ“. — Нѣтъ, кто у васъ смотритель или ректоръ?“ — „Ив. Яковлевичъ Ловягинъ“ — „А! вы изъ Тверскаго училища. Идите же завтра къ нему и скажите, что о. ректоръ семинаріи прислалъ васъ поблагодарить. И за то, что онъ доставилъ въ семинарію такихъ учени-

говъ. И покажите ему то, что вы здѣсь написали. Да смотри-те-жь, непременно сходите: я завтра спрошу его“²¹⁾.

Судя по блестящимъ успѣхамъ на ученической скамьѣ, можно смѣло утверждать, что Московская Академія имѣла очень большое значеніе въ развитіи Бухарева. Онъ сроднился съ ней, съ неохотой, въ 1853 году, переходить въ Казань²²⁾; теплыя воспоминанія о Московск. Академіи А. М.—чѣ сохранить до смерти²³⁾. Здѣсь, къ концу ученья,

²¹⁾ Разсказъ приведенъ здѣсь съ незначительными сокращеніями; онъ перепечатанъ въ „Правосл. Обозр.“ 1890 г., Январь, въ статьѣ Г. А. „Владе дьятели—по поводу книги Вл. Колосова“, стр. 153—157.

²²⁾ „Съ самаго приѣзда въ Казанскую Академію, читаемъ въ Исторіи П. В. Знаменскаго, о. Феодоръ (Бухаревъ) „сталъ въ совершенно отрицательное отношеніе къ господствовавшему въ Академіи строю жизни“. I, 129. ср. В. В. Лавр. „В. В.“ 1905 июль—авг. стр. 537. Онъ очень скоро по переходѣ въ Казань, подаетъ прошенія и заявленія объ увольненіи (два раза въ одномъ только 1854—5 учебн. г.) ib.

²³⁾ А. С. Бухарева пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „любилъ Александръ Матвѣичъ Московскую Академію. И какъ хорошо заниматься!—говорилъ. Самая отдаленность Академіи отъ шума большихъ городовъ способствовала сосредоточенію мысли. И онъ съ горячностью отдавался занятіямъ, пылко работалъ его умъ, напрягалась мысль и вырабатывалось міросозерцаніе“. „Переводъ въ Казань, читаемъ въ другомъ мѣстѣ ея воспоминаній, былъ для него настоящимъ горемъ и бѣдою: онъ такъ любилъ Московскую академію и такъ съ ней сжился“. Но вотъ что онъ пишетъ въ 1863 г. А. А. Лебедеву: „долженъ буду ѣхать во Владивіръ, не прямо, а черезъ Лавру Сергіеву и Москву. Воже мой! Всѣ мои здѣсь братья и отцы—для меня уже какъ чужіе, и мнѣ надо будетъ ихъ или миновать, зайдя только ко св. мощамъ или же преогорчаться ихъ бѣсѣдою, съ огорченіемъ конечно и для нихъ самихъ“. (Письмо 39-е). Эти горькія строки, съ большою вѣроятностью можно сказать, были вызваны по воспоминаніямъ А. С.—ны Б.—вой тѣмъ, что Горскій не отвѣчалъ противъ ожиданія А.—ндра М.—ча на его письмо. Думается, что и отвѣтъ А. В.—ча на письмо Б.—ва, напечатанный въ приложеніи къ „Ист. Моск. Д. Акад.“ прот. С. К. Смирнова, найденный въ бумагахъ Горскаго, также не былъ отосланъ. Но съ Горскимъ А. М.—чѣ поддерживалъ личныя сношенія по переводѣ изъ М. Академіи и ранѣ этого времени (напр. въ Петроградѣ—см. письма къ А. А. Л.—ву № 8 и 9) и позднѣе. О позднѣйшей встрѣчѣ съ А. В. Горскимъ есть также упоминанія въ письмахъ, и полнѣе о ней мы слышали отъ Анны Сергѣевны. На основаніи сказаннаго выше, А. М.—чѣ кажется въ 1865 г. пошелъ съ женой къ ректору Академіи сильно опасаясь, что А. В.—чѣ не приметъ, но опасливый чувства не оправдалась: приемъ былъ чрезвычайно любезный и продолжительный.—Кромѣ писемъ А. М.—ча о личныхъ отношеніяхъ въ 1866 г. имѣется еще документъ. На книжкѣ о. А.—ра „Нѣсколько статей объ акад.“

созрѣло у него, очень характерное для этого періода жизни, „желаніе не оставаться въ вопиющѣ Христовомъ рядовомъ воиномъ, когда ощущается самая настоящая нужда въ офицерахъ“²⁴). И вотъ онъ становится равноангельнымъ звѣздой, не по ходячему только житейскому словоупотребленію, обозначающему блестящія способности и высокое служебное положеніе въ будущемъ, но и по церковно-библейскому: монахъ—ангелъ—звѣзда²⁵). На талантливаго религіознаго молодого шюка обратилъ свое благосклонное вниманіе митр. Филаретъ и сдѣлался его руководителемъ. Эти добрыя отношенія между ними продолжались нѣсколько

Павлѣ“ присланной А. В—чу и съ его бібліотекой, поступившей въ академическую (№ 1058), имѣется собственноручная карандашная надпись автора: „Перю Божию Александру Васильевичу Горскому отъ ученика его—Сочинителя, 1860 года, іюля 26-го—въ сороковой день по преставленіи Спбурскаго Владыки Григорія. NB. Простите. Отче, святыи, за недостатокъ заглавія статей и за множество опечатокъ: послѣднее произошло отъ небрежности и безграмотности попавшаго[ся]... Конецъ обрѣзая переилетчиномъ. Не порывались связи и съ другими наставниками Академіи, за это говоритъ переписка съ Д. Θ. Голубинскимъ (см. примѣч. 44)“. Извѣстно также о благожелательствѣ къ А. М—чу инспектора Академіи архим. Михаила (Лузина). „Если бы насъ затрудняла цензура [вашихъ воспоминаній], пишигъ А. С—на прот. В. В. Лаврскому, то погрудитесь прислать ихъ мнѣ, и я нарочно съѣзжу въ Лавру и попрошу тамошняго цензора, архим. Михаила (инспектора) отцензуровать; это человекъ преданный А—ндру М—чу и мнѣ передавали, что онъ готовъ всегда служить намъ по дѣлу цензуры“. „Утѣшительно было слышать, добавляетъ она, „что въ Московской академіи была отслужена по немъ торжественная панихида при извѣстіи о его [Б—ва] кончинѣ“. Архим. Михаилъ очень одобрительно въ свое время отозвался о соч. „I. X. въ своемъ словѣ“, представленномъ авторомъ (См. „Печальное 25-лѣтіе“ П. В. Знаменскаго, стр. 26—я). Анна Сергѣевна упоминаетъ еще о Лавровѣ (архіед. Алексѣи впоследствии); „За некрологъ въ „Голосѣ“ многіе изъ почитателей А—ндра М—ча благодарилъ А. А. Лебедева, въ томъ числѣ Лавровъ профессоръ Московской Академіи. Этотъ послѣдній намѣренъ писать въспоминаванія за тотъ періодъ времени, когда А—ндръ М—чъ былъ профессоромъ Моск. академіи, такъ какъ онъ одинъ изъ его учениковъ.

²⁴) „Мои воспоминаванія объ архим. Феодорѣ“ (прот. В. В. Лаврскаго въ „Богос. В—къ“ за 1905, іюль—авг., стр. 502).

²⁵) Прот. В. В. Лаврскій указываетъ, что къ монашеству склонялъ Бухарева инспекторъ, а потомъ ректоръ Евгеній („Б. В.“ 1905 іюль—авг., стр. 502—4). Вместе съ А. С. Бухаревой и П. В. Знаменскимъ правильно сказать это о Евсеви (Орлянскомъ).—П. В. Знаменскій „Ист.“, выг. 1, стр. 124.

лѣтъ, и во все это время служебная карьера о. Теодора подвигалась впередъ довольно успѣшно ²⁶⁾. Ставши профессоромъ по Свящ. Писанію, молодой ученый весь ушелъ въ изученіе Библии и своими лекціями объ Агнцѣ Божіемъ выдѣлился въ рядъ съ тогдашними свѣтилами Академіи—*Θ. А. Голубинскимъ, А. В. Горскимъ* и *Гиляровымъ-Платоновымъ* ²⁷⁾. Всего 31-го году отъ роду онъ возведенъ въ санъ архимандрита ²⁸⁾. Можно сказать, блестящій періодъ карьеры на этомъ кончился, ярко обозначились его дарованія и направленіе дальнѣйшей дѣятельности.

Замѣчаніе проф. П. В. Знаменскаго о вниманіи и благоклонности митрополита къ о. Теодору справедливо вполнѣ, но насколько своею ученостью и направленіемъ взглядовъ о. Теодоръ обязанъ м. Филарету—рѣшить трудно: вѣдь Филаретъ обратилъ на него вниманіе какъ уже на талантливаго профессора. Бухаревъ же оказывается не ученикомъ, а продолжателемъ его воззрѣній, и „это преемство духа“,—указываетъ прот. В. В. Лаврскій,—особенно замѣтно, если сопоставить „Записки на Кн. Бытія“ м. Филарета и монографію о. Теодора „О міротвореніи“—тоже записки на первыя двѣ главы „Кн. Бытія“. „Святитель Московскій съ какой-то свойственной ему ревнивой малообщительностью мысли, всегда заботился не столько о возможно-широкомъ распространеніи истинъ Православія, сколько о строгой отчетливости ихъ выраженія, особенно же въ печатномъ словѣ. Такъ и въ своихъ Запискахъ на книгу Бытія онъ очень часто ставитъ—только вопросъ, а вмѣсто отвѣта на него—замѣчаетъ лишь, что нѣтъ особенной надобности искать и домогаться этого отвѣта. О. Теодоръ въ книгѣ „О міротвореніи“ очень часто беретъ этотъ оставленный безъ отвѣта вопросъ и объяснивъ надобность въ отвѣтѣ и важность его, продолжаетъ прерванное его учителемъ богословствованіе въ томъ же точно духѣ и направленіи и на поставленный митр. Филаретомъ вопросъ представляетъ рѣшеніе. Въ раскрытіи духовно-таинственнаго смысла Писанія о. Теодоръ является ученикомъ прежде всего Ап. Павла,

²⁶⁾ П. В. Знаменскій „Ист.“, в. I, стр. 124. .

²⁷⁾ *О. Кедровъ* въ сб.: „У Тр. въ Акад.“ стр. 223.

²⁸⁾ Случай такого равнаго возведенія въ санъ архимандрита въ то время выдающійся.

но тоже по руководству и примѣру митрополита Филарета въ его Запискахъ на кн. Бытія. Вообще въ сочиненіяхъ о. Ѳеодора повсюду видны слѣды глубокаго изученія имъ твореній митрополита Филарета, изъ которыхъ онъ беретъ иногда текстъ и комментируетъ его, развивая собственные свои воззрѣнія. См. напримѣръ „О Православіи въ отношеніи къ современности“, стр. 4, 24, 57, 264, 289²⁹⁾. Если есть разница между учителемъ и ученикомъ и не только въ скрытности перваго, то особенности воззрѣній послѣдняго, не предполагаютъ ли еще руководителя, кромѣ знаменитаго святителя?

Вторымъ по порядку и первымъ по времени учителемъ о. Ѳеодора въ направленіи мысли безспорно можно назвать богослова - философа прот. Ѳ. А. Голубинскаго, человѣка чуть не съ европейской извѣстностью, въ настоящее время, пожалуй, сохранившейся только въ нашей академической традиціи, облекшей знаменитаго философа дымкой легенды³⁰⁾. Его руководство легко отмѣтить и въ дружбѣ Бухарева со своимъ однокурсникомъ Михаиломъ Васильичемъ Тихонравовымъ³¹⁾, и въ оцѣнкѣ студентомъ Бухаревымъ идей Бѣлинскаго; отражается оно и въ „Богословской Полемикѣ 60-хъ годовъ, во время которой Аскоченскій обвиняетъ архим. Ѳеодора въ гегельянствѣ³²⁾, замѣтно и въ защитѣ

²⁹⁾ Прот. В. В. Лаврскій „В. В.“ 1905 г., июль-авг. стр. 506. Эту точку зрѣнія поддерживаетъ и А. С. Бухарева въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (не полно напечатанныхъ въ сборникѣ „Свободная совѣсть“ № 1, М. 1906)

³⁰⁾ О прот. Ѳ. А. Голубинскомъ см. статью проф. С. С. Глаголева въ юбилейномъ Сб—къ: „Памяти почившихъ наставниковъ“, Сергіевъ П 1914 г. стр. 18—57; въ примѣч. указана и литература. О немъ также см. слѣд. примѣч.

³¹⁾ Прот. В. В. Лаврскій „В. В.“ 1905, июль-авг., стр. 514—515: авторъ говоритъ здѣсь о руководствѣ Ѳ. А. Голубинскаго, на стр. 511 указывается, какъ велъ споры Бухаревъ съ Тихонравовымъ объ истинѣ съ двухъ сторонъ—благодатной и земной, а на стр. 508, что ею была премудрость Божія и ее друзья старались раскрывать для всякихъ дѣлъ; ее именно усмотрѣлъ Бухаревъ въ статьяхъ гегельянца Бѣлинскаго.

³²⁾ Пр. П. В. Знаменскій „Богос. Полемика 60—г.г.“ стр. 32. Аскоченскій ставитъ о. Ѳеодора не только приверженцемъ звѣря Гегеля, но Синнозы, Вольтера, Фихте и Шеллинга, — упрекъ, очевидно, брошенъ бывшимъ профессоромъ Кіевской академіи по адресу Московской, гдѣ господствовало философское направленіе; онъ относится къ Ѳ. А. Голубинскому и его предшественнику Кутневичу, потому что временемъ этихъ двухъ профессоровъ и опредѣляется весь философскій періодъ Академіи. Впрочемъ,

проф. П. В. Знаменскимъ своего учителя отъ несправедливаго упрёка со стороны Н. Гилярова-Платонова въ невѣжествѣ³³⁾, наконецъ указывается и въ воспоминаніяхъ прот. В. В. Лаврскаго.

Какъ „выдающійся студентъ Московской Академіи“ Бухаревъ долженъ былъ основательно ознакомиться и съ системой Гегеля. „До духовныхъ академій, пишетъ о. Лаврскій, тогда еще не доходили пока скептическія голоса представителей еще болѣе новой философіи, начавшихъ уже тогда рушить грандіозное зданіе Гегелевой системы; развѣ слышался по временамъ сдержанный ропотъ почтительныхъ учениковъ Гегеля, на своего учителя, зачѣмъ онъ, взошедши на вершину горы, такъ увлекся созерцаніемъ Божественнаго свѣта всеобъемлющей истины, что не хочетъ уже спуститься въ земную низменность, чтобы и ее освѣтить свѣтомъ своей системы (слова о. Теодора о гегелианствѣ въ Германіи)³⁴⁾. „Въ Московской академіи, читаемъ въ другомъ мѣстѣ, цѣлыя науки преподавались по началамъ гегелевой философіи. Эти-то начала и построенныя на нихъ системы и приходилось о. Теодору въ студенческіе годы переводить на „иное основаніе“ и извращавшій христіанство пантеизмъ Гегеля обратно приводить ко Христу“³⁵⁾.

Это представленіе конечно преувеличено. Дѣло въ томъ, что въ академическомъ философскомъ кружкѣ, еще въ студенческіе годы Ѳ. А. Голубинскаго, юные философы не хуже Бухарева оцѣнивали Гегеля. Если и была потомъ постановка академическихъ наукъ съ неумѣреннымъ уклономъ къ гегелианству, если ея недостатки и замѣчались Бухаревымъ, то процессъ ознакомленія съ Гегелемъ и критическое отношеніе къ академическому преподаванію были не самостоятельны. Зачѣмъ предполагать какую-то ненужную исключительность тамъ, гдѣ дѣло обстояло проще? Приведеніе содержанія академическихъ лекцій съ пантеистическимъ духомъ къ иному, Христову, основанію слѣдовало за чтеніемъ

Аскоченскій не представлялъ кажется, особенностей направленія до „историческаго“ періода въ нашей Академіи.

³³⁾ Н. Гиляровъ-Платоновъ „Изъ пережитаго“, т. II, 295, анти отзывъ Знаменскаго въ „Ист. К. Ак.“ I, 124—125, II, 206—207.

³⁴⁾ Пр. В. В. Лаврскій „Б. В.“ 1905, іюль—авг. 514.

³⁵⁾ Ib., стр. 516-я.

емъ гегельянца Бѣлинскаго ³⁶⁾. И здѣсь трудно согласиться съ прот. В. В. Лаврскимъ, когда онъ усматриваетъ въ чтеніи Бѣлинскаго чуть не первоначальную причину дальнѣйшаго роста Бухарева. Въ данномъ случаѣ опять лучше видѣть просто послѣдовательное развитіе воззрѣній, возникшихъ подъ руководствомъ опытнаго наставника. Наше утвержденіе подкрѣпляется тѣми же словами о. Теодора, которыя приводитъ и о. прот. В. В. Лаврскій, а о. Теодоръ такъ вспоминаетъ: „Я любилъ читать въ Отечественныхъ Запискахъ статьи, относящіяся къ критикѣ, писанныя покойнымъ Бѣлинскимъ. Само собою разумѣется, что настоящаго значенія его мыслей я не понималъ, или — лучше, — понималъ ихъ по своему. Извѣстно, что онъ иногда въ развитіи своихъ мыслей цитовалъ тексты изъ Свящ. Писанія. Онъ давалъ этимъ текстамъ свою мысль, а я понималъ ихъ въ настоящемъ значеніи и соотвѣтственно этому понималъ всю его рѣчь. И потому выходило, что слѣдя систему его мыслей, извращавшую Христову истину, я въ своемъ умѣ развивалъ живую систему самой Христовой истины. И сколько—помню—радости было у меня, что вотъ, наконецъ, взялись люди за умъ,—углубляться въ Премудрость Божію и раскрывать ея свѣтъ для всякихъ дѣлъ! Я обманывался, но благодаря именно такому чтенію Бѣлинскаго, мысль моя довольно развилась и окрѣпла въ свѣтломъ живомъ и отчетливомъ направленіи Вѣры. Добрыя слѣдствія этого для меня вышли самая неоцѣненные“... Несомнѣнно, со чтеніемъ Бѣлинскаго произошло то же, что и изъ споровъ съ другомъ - однокурсникомъ Михаиломъ Васильевичемъ Тихонравовымъ. „У насъ съ покойнымъ Михаиломъ, читаемъ мы слова о. Теодора, было такое дѣло: я твердо отстаивалъ благодатное,—Христово; а онъ страдальчески или съ самоотверженіемъ любви отстаивалъ во Христѣ и обыкновенное,—земное; такимъ образомъ, мы, сами того не зная отчетливо, учились уже проводить Христову благодать и истину и въ земное, никакъ не измѣняя чему-либо истинно Христову“ (Письма А. С. Бухаревой 11 апр. 1872) ³⁷⁾. Въ томъ и другомъ случаѣ еще очень мало подлинно Бухаревскаго; и тамъ

³⁶⁾ Ib., стр. 513 ср. 507—508.

³⁷⁾ Ib. 507—8. Премудрость Божія—подчеркивается нами.

и здѣсь виденъ только ученикъ Голубинскаго. Упомянутое объ истинѣ и ея свѣтѣ во всякихъ дѣлахъ и еще яснѣе—упомянутое о Премудрости Божіей прямо выдаетъ руководителя,—чтеніе Бѣлинскаго и споры съ Тихомировымъ есть, очевидно, только усвоеніе студентами опредѣленія Премудрости Божіей, какое имѣется въ умозрительномъ богословіи Θεодора Александровича.—„Премудрость Божія, говорится у Голубинскаго, есть такое совершенство ума Божественнаго, по которому существуетъ въ немъ вѣчный первообразъ всего міра и порядка всѣхъ вещей, или, по выраженію Платона ³⁸⁾, міръ идеальный, по образцу котораго все и въ физическомъ и нравственномъ мірѣ устроено въ гармоническомъ цѣлесообразномъ союзѣ, такъ что всѣ дѣла Божіи направлены къ благимъ цѣлямъ и къ достиженію ихъ имѣютъ достаточныя средства, и, наконецъ, всѣ подчиненныя цѣли сосредоточиваются въ одной главной, — высочайшей цѣли—выраженіи совершенствъ Божіихъ въ жизни праведныхъ существъ“ ³⁹⁾).

Чарующее дѣйствіе взглядовъ Θεодора Александровича испыталъ не одинъ только Бухаревъ ⁴⁰⁾. Его лекціи опредѣлили направленіе способностей Николая Ивановича Надеждина ⁴¹⁾. „Слушать Голубинскаго было для него высочайшее наслажденіе: вдохновенныя импровизаціи выясняли общен историческій взглядъ на развитіе рода человѣческаго; дѣлалось понятно, что въ событіяхъ, составляющихъ содержаніе

³⁸⁾ Насколько архим. Θεодоръ обязанъ Голубинскому, можно было бы просто доказать сопоставивъ ихъ терминологию. Здѣсь, въ этомъ опредѣленіи, даже указывается, въ чемъ можно искать общаго; безъ сомнѣнія, прежде всего терминовъ платонизма, потому что Платона было предписано изучать въ Академіи указомъ. (См. статью *Θ. К. Андреева* въ наст. книжкѣ „Московская Академія и славянофилы“).

³⁹⁾ „Лекціи по умозрительному богословію“ проф. прот. *Θ. А. Голубинскаго*, записанныя (въ 1841—42) Влад—мъ Назаревскимъ, М. 1868 г., стр. 147. Можно съ проф. *С. С. Глаголевымъ* („Памяти почившихъ наставниковъ“ стр. 512) подчеркнуть, что „въ этомъ курсѣ только мысли *Θ. А—ча*, а слогъ принадлежитъ не автору“, и что сохранился курсъ далеко не въ совершенномъ видѣ.

⁴⁰⁾ См. примѣч. къ письмамъ Стурдзы въ этомъ №—рѣ.

⁴¹⁾ *Н. К. Козминъ*. „Николай Ивановичъ Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность. 1804—1836“. Спб. 1912. „Глава I. Годы ученія въ М. Д. Академіи.“

исторіи, есть мысль, что это не сцѣпленіе простыхъ случаевъ, а постепенная выработка идей, согласно съ условіями мѣста и времени. Студентъ математическаго отдѣленія, Надеждинъ выказывалъ мало любви къ своей специальности; поэтому начальство поручило ему заняться церковно-историческимъ изслѣдованіемъ о значеніи въ Православной церкви символа Св. Софіи, которой посвященъ извѣстный храмъ въ Константинополѣ“. Работа дана была конечно по предложенію Θεодора же Александровича. Мы не видали изслѣдованія Н. И. Надеждина, но имѣемъ возможность оцѣнить значеніе символа Св. Софіи въ исторіи Православной церкви и храма въ Константинополѣ въ творчествѣ Бухарева. Болѣе яснаго указанія, чѣмъ это, на зависимость Бухарева отъ Голубинскаго, кажется, найти трудно. Она отмѣчена, хотя безъ упоминанія имени Θεодора Александровича и не особенно точно архим. Θεодоромъ и въ „первоначальной редакціи“, относящейся къ 1855 г., „Изслѣдованій Апокалипсиса“, но осознана имъ уже, что не трудно замѣтить.

Пятую казнь (Апок. XVI, 10) авторъ относитъ къ идолопоклонникамъ разума: „дѣйствіе суда Божія надъ идолопоклонниками разума, пишетъ Бухаревъ, видно въ нашемъ времени, или, точнѣе, назадъ лѣтъ пятнадцать или двадцать (писано въ 1955 году). Не имѣемъ нужды распространяться о томъ, какъ чрезвычайно въ это время усилилось Западно-Европейское просвѣщеніе во веѣхъ областяхъ знанія, начиная отъ философіи, раскрывшейся по антихристіанскому направленію до такого страннаго призрачнаго блеска въ Гегелѣ и Шеллингѣ. Излишне также доказывать, что это просвѣщеніе вѣка сего, дѣйствительно, до страсти (паѳоса) возбуждаетъ и разгорячаетъ духовныя силы, но только чрезъ это не просвѣтляетъ ихъ внутренно, а отнимаетъ у нихъ и послѣдніе остатки натуральной свѣжести (не говоримъ уже объ угашеніи имъ въ христіанахъ духа вѣры и благодати); изнуряетъ и утомляетъ ихъ, и, при всемъ обогащеніи ума познаніями и при кипучей дѣятельности души, оставляетъ „сердце пусто, хладенъ умъ“. Прираженіе и къ памъ сего суда ощутилъ и даже на себѣ самомъ испыталъ тотъ самый писатель нашъ, которому принадлежатъ послѣднія слова *). И вотъ до какой хулы дошелъ было онъ на Бога, Иже

*) Пушкинъ, который особенно любилъ и умѣлъ озарять все, чего бы онъ Бог. Вѣст. №№ 10—12. 1915.

имать власть обращать самое живое повидимому, но мірское по духу просвѣщеніе только къ опаленію и опустошенію души:

„Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ, —
Душу мѣ наполнить страстью
Умъ сомнѣемъ волновать? — и проч..

Обольщеніе вѣры въ плотскій разумъ, вмѣсто преданности духу Христову, отчасти умозрительно, а большею частью практически продолжаетъ дѣйствовать и у насъ доселѣ, хотя обольщаемые, стараясь какъ нибудь занять себя и иногда бросаясь въ трудныя предпріятія и опасности, чрезъ это самое обнаруживаютъ, что они сами не знаютъ куда дѣваться отъ внутренняго мрака. Но съ другой стороны, по милости Божіей къ Православной Россіи, не къ сему ли времени омраченія державы боготворимаго разума относятся первые лучи Православія, проторгшіеся въ область знанія въ той ея обширности и глубинѣ, какъ она опредѣлилась на Западѣ, и долженствующіе наконецъ раскрыться въ солнечный свѣтъ, отъ котораго звѣри уйдутъ въ свою бездну? По крайней мѣрѣ нѣкоторые школьные опыты въ семь родѣ, извѣстные мнѣ, относятся именно къ сему времени пятой чаши ярости Божіей“⁴²⁾.

Достаточно бѣгло просмотрѣть лекціи Ѳ. А. Голубинскаго по умозрительному богословію, чтобы убѣдиться въ правотѣ о. прот. Лаврскаго, вполне увѣреннаго, что „образчикъ глубоко-философскаго и въ то же время строго-православнаго, — слѣдовательно, — самостоятельнаго отношенія“ къ положеніямъ не только гегельянства, но и системамъ Фихте и Шеллинга, который представленъ въ кн. „О православіи въ отношеніи къ современности“ (стр. 42—45), относится къ Голубинскому⁴³⁾.

Переписка о. Ѳеодора (Бухарева) съ сыномъ Ѳеодора Александровича—Дмитріемъ Ѳеодоровичемъ⁴⁴⁾, на существова-

свою душею ни коснулся, свѣтомъ солнечнымъ, свѣтомъ живой мысли и чувства. Примѣч. о. Ѳ—ра.

⁴²⁾ Редакція 1855 г. тетрадь 54-я; подробности объ этой редакціи рѣчь будетъ ниже.

⁴³⁾ Прот. В. В. Лаврскій, „Б. В.“ 1905 июль—авг. стр. 514—515.

⁴⁴⁾ См. письма А. М. Б—ва къ А. А. Лебеву №№ 14 и 17—18. Имѣется

ніе которой указываютъ только что напечатанныя письма Бухарева къ А. А. Лебеву (по поводу книги „О міротвореніи“) отмѣчаетъ даже нѣкоторую близость къ Голубинскому, при чемъ уваженіе къ нему архим. Феодора перешло и на его сына, хранителя отеческаго преданія.

Маленькое недовольство о. Феодора замѣтно въ одномъ изъ писемъ къ А. А. Лебеву, въ общемъ не говоритъ противъ крупнаго значенія для него идей Феодора Александровича⁴⁵⁾. Въ свѣтъ ихъ Бухаревъ и ознакомился съ моднымъ въ свое время гегельянствомъ. Это ставитъ на видъ проф. Знаменскій, чтобы разсѣять неосновательное утвержденіе Н. Гилярова-Платонова о невѣжествѣ Бухарева.—Обратимъ вниманіе, наконецъ, и на сообщеніе А. С. Бухаревой, что въ академіи послѣдоваль кризисъ въ душевныхъ переживаніяхъ Александра Матвѣевича, послѣ котораго юноша постепенно сталъ выздоравливать духомъ подъ вліяніемъ слагавшагося у него уже цѣльнаго міросозерцанія⁴⁶⁾.

Но окончательный закалъ всего лучшаго, что дало ему воспитаніе въ семьѣ и школѣ, о. Феодоръ получилъ уже въ годы профессорства (въ Московской Академіи), первый періодъ жизни закончился глубокимъ нравственнымъ переворотомъ, круто измѣнившимъ всю дальнѣйшую литературную и личную дѣятельность Бухарева. Маленькая подробность изъ быта о. Феодора, профессора Московской академіи, отмѣченная въ письмѣ профессора этой же Академіи П. С. Казан-

общій отзывъ Д. Ф. Голубинскаго „о Міротвореніи“ о. Ф.—ра въ письмѣ къ А. А. Лебеву, отъ 18 марта 1861 г. (письма посланы 4 и 11 марта 1861 г., 2-ое отослано назадъ), въ которомъ указываются и самыя поправки, сдѣланныя Дм. Ф.—чемъ. „Особенно въ рукописи [о Міротвореніи] нуждается въ измѣненіи объясненіе движенія земли,—потому излагается взглядъ на движеніе тѣлъ небесныхъ совершенно новый и едва-ли вѣрный, который конечно съ большимъ недоверіемъ примутъ ученые“... Дѣло о его сочиненіи тяжело лежитъ на моей совѣсти; вотъ представлялся мнѣ случай сдѣлать полезное приложеніе изъ моихъ занятій, а я моимъ небреженіемъ и мѣшкотностію можетъ быть повредилъ столь святому дѣлу; каково печатаніе сего превосходнаго сочиненія, и это мнѣ горько“. Въ письмахъ Д. Ф.—ча опредѣляется его отношеніе къ богословской полемикѣ 60-хъ годовъ и приводятся мнѣнія о ней, высказываемыя въ Моск. академіи“.

⁴⁵⁾ См. письмо къ А. А. Лебеву, № 25, стр. 442.

⁴⁶⁾ „Воспом.“ А. С. Бухаревой: „Свободная совѣсть“. Кн. 1-я, стр. 19.

скаго къ А. Н. Бахметевой, опредѣляетъ приблизительно начало у Бухарева второго періода жизни, „перелома всей“ его „судьбы“, связанной съ дѣломъ „Объ Апокалипсисѣ“⁴⁷⁾.

„Когда онъ (о. Ѳеодоръ) служилъ у насъ, пишетъ П. С. Казанскій, профессоромъ, его обиралъ служитель до того, что не только безъ копѣйки денегъ оставлялъ его, но и книги его продавалъ. И о. Ѳеодоръ, (при отсутствіи практическаго смысла), усматривалъ во всемъ этомъ чуть не дѣйствіе духа Божія, двигавшаго руками вора“⁴⁸⁾.

Петръ Симоновичъ не дооцѣнилъ еще этой, повидимому, мелочи въ жизни о. Ѳеодора; но потому только, что онъ не зналъ, какъ Бухаревъ въ дѣтствѣ цѣплялся за свой пьедесталикъ; что онъ сознавалъ свое преимущество предъ другими и въ семинаріи; что онъ офицеромъ собирался быть, хотя и воинства Христова, „сряжаясь въ монашество“. Да и намъ несовсѣмъ понятно на первый взглядъ, — почему онъ поставилъ крестъ надъ тѣмъ, что тянуло его къ себѣ еще съ дѣтства? Но и эта „задача перелома всей его судьбы“ и проповѣдь объ обновленіи Церкви, устроеніи жизни личной, семейной, общественной и государственной по духу Христову, самый генезисъ толкованія Апокалипсиса и изумительная стойкость въ отстаиваніи своихъ идей были бы для насъ дѣйствительно неразрѣшимой задачей, какъ и отношенія къ келейнику—только непрактичностью, если оставить безъ вниманія духовнаго руководителя Бухарева, юродиваго о. Петра Томаницкаго.

Отношеніе къ юродивому о. Петру Бухаревъ описываетъ отчасти въ своихъ „Воспоминаніяхъ“⁴⁹⁾, но свѣдѣнія объ о. Петрѣ у него не исчерпываются только „Воспоминаніями“. Послѣ чтенія ихъ не остается и капли сомнѣнія, что въ книгѣ „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ“ (313—319) рѣчь автора „объ одномъ глубочайшемъ старцѣ, заштатномъ священникѣ“ и „юродивомъ“ идетъ именно объ о. Петрѣ Томаницкомъ. Эти страницы очень важны для біографіи Бухарева. Старца А. М—чь ужъ лѣтъ десять знаетъ⁵⁰⁾; „бы-

⁴⁷⁾ Письмо къ А. А. Л—ву, № 63.

⁴⁸⁾ Сб. „У Тр. въ Академіи“, стр. 571.

⁴⁹⁾ „Воспоминанія о покойномъ заштатномъ священникѣ слободы Новоіерусалимской отцѣ Петрѣ Томаницкомъ“ А. Бухарева. Ярославль 1871 г.

⁵⁰⁾ Книга издава въ 1865 г., разаршена цезарюю 31 авг. 1864 г.

валь у него весьма много разъ“, „видалъ приходящихъ къ нему за помощью и совѣтами людей всякаго званія и состоянія,—духовныхъ, дворянъ, мужичковъ, горожанъ, мужчинъ и женщинъ. Наведенный самимъ же этимъ старцемъ на мысль Иоанна Богослова, какъ испытывать духовъ или духовныхъ, въ особенности чрезвычайныя настроенія людей (1 Иоан. IV, 1—3), я, говоритъ Бухаревъ, обыкновенно слѣжу за всѣми и всѣмъ у этого сѣдовласаго священника не иначе, какъ въ постоянномъ, сколько выдерживаетъ моя немощь, молитвенномъ вниманіи къ самому Спасителю нашему Христу во плоти пришедшему для спасенія нашей не только души, но и тѣлесности, и въ немъ къ Отцу Его Небесному, съ призываніемъ помощи Св. Духа. Когда у меня это воззрѣніе ослабѣвало или закрывалось, старецъ самъ поднималъ меня простымъ внушеніемъ, чтобы я помнилъ „Святаго“ (Въ школѣ ⁵¹⁾) этого старца такое воззрѣніе и обосновалось у меня въ начало для мысли и дѣла во всемъ, не только прямо церковномъ, но я нахожусь ли я въ обществѣ, читаю ли свѣтскую книгу и проч. и проч.). Слѣдя съ такимъ внутреннимъ воззрѣніемъ за всѣмъ у Божія старца въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, я какъ будто выслушивалъ самую глубокомысленную, но и обнимающую всѣ наши житейскія мелочи, лекцію ⁵²⁾.

„Прошлое лѣто былъ я, читаемъ немного далѣе, у упомянутаго старца съ тревожными думами обо всемъ—о Востокѣ, Западѣ, нашей матушкѣ Россіи, о Церкви Божіей, о себѣ самомъ. Думы подобныя и прежде, бывало, возбуждались во мнѣ разными рѣчами и дѣйствіями этого старца; случилось, что онъ оказывалъ и очень ощутительную для меня строгость ко мнѣ, по тѣмъ или другимъ вопросамъ. На этотъ разъ—онъ былъ для меня точно матерью, остерегавшеюся какъ нибудь небрежно дотронуться до больнаго мѣста своего ребенка. О, какъ я нуждался именно въ такой духовной ласкѣ любви!“ ⁵³⁾.

Неопредѣленные слова автора: „я ужъ лѣтъ десять знаю

⁵¹⁾ Въ разрядку—въ школѣ—сдѣлано нами. Ср. „Воспом.“ А. М. Вухарева объ о. Петрѣ, стр. 40.

⁵²⁾ „О современ. духовн. потребн.“, стр. 312-я.

⁵³⁾ Ibid., 313-я.

одного глубочайшаго старца, заштатнаго священника“, т. е. юродиваго о. Петра, получаютъ большую точность въ „Воспоминаніяхъ“ о немъ: „Мы узнали, пишеть онъ здѣсь, покойнаго о. Петра лѣтъ за 16-ть или за 17-ть до его смерти“⁵⁴⁾. Это будутъ 1849-ый или 1850-ый годы (о. Петръ умеръ 3 сентября 1866 г.); тогда авторъ былъ молодой іеромонахъ о. Ѳеодоръ, бакалавръ Московской Академіи на кафедрѣ Свящ. Писанія⁵⁵⁾.

Сообщеніе Бухарева о школѣ о. Петра, о изученіи его духа по собственнымъ наблюденіямъ и опытамъ и замѣчаніямъ другихъ людей, а также вопрошанія у старца о Востокѣ, о Западѣ и нашей матушкѣ Россіи, о Церкви Божіей и о себѣ самомъ имѣютъ подтвержденіе и въ письмахъ о. Ѳеодора. Въ письмѣ къ о. А. А. Израилеву⁵⁶⁾ онъ просить: „А съ матушкой нгуменьей какъ-нибудь разговоритесь о моемъ дѣлѣ по Апокалипсису, совершенномъ подѣ духовнымъ наблюденіемъ о. Петра, и познакомьте ее съ сущностью этого дѣла, предварительно, разумѣется, со вниманіемъ перечитавъ въ книгѣ „Печаль и радость“ статью объ Апокалипсисѣ“⁵⁷⁾.

Въ школѣ о. Петра Бухаревъ научился смотрѣть на свои поступки, какъ на богослуженіе. Такимъ характеромъ, по замѣчанію П. В. Знаменскаго, проникнуто было отношеніе о. Ѳеодора, въ бытность инспекторомъ, къ студентамъ Казанской Академіи⁵⁸⁾; въ письмѣ къ А. А. Лебедеву онъ самъ говоритъ потомъ, что и журналисту можно быть какъ бы священникомъ⁵⁹⁾. Подѣ наблюденіемъ о. Петра, вопросъ: „что есть истина?“—для о. Ѳеодора получилъ разрѣшеніе въ „духовной истинѣ“, въ слѣдованіи духу и жизни Христовой⁶⁰⁾. Царство Христовой истины и благодати состоитъ не

⁵⁴⁾ „Воспоминанія“ объ о. Петрѣ, стр. 5-я. Эта дата даетъ основаніе относить написаніе VII-й гл. кн. „О совр. дух. потреби.“ къ 1859—61 гг.

⁵⁵⁾ См. послужной списокъ, въ примѣч. 10-мъ.

⁵⁶⁾ Помѣщено въ письмахъ къ А. А. Лебедеву въ этомъ №.

⁵⁷⁾ „Печаль и радость по слову Божію. Очерки свящ. книгъ: „Плача Іереміи и Пѣсни пѣсней“, съ прибавленіемъ соображеній объ Апокалипсисѣ и 3-й кн. Евдры“, А. Бухарева. М. 1865 г.

⁵⁸⁾ П. В. Знаменскій, „Ист. К. Д. Акад.“ В. 1-я, стр. 130-я.

⁵⁹⁾ № 37, стр. 438.

⁶⁰⁾ Ср. напр.: „О соврем. духовн. потреби.“, стр. 312—313, „Воспом.“ объ о. Петрѣ, стр. 49-я. и особенно письмѣ къ А. А. Лебедеву. № 8.

въ словѣ или безжизненныхъ—отвлеченныхъ мысляхъ, а въ силѣ духа истины и благодати, дѣйствіемъ котораго Самъ Христосъ вселяется въ вѣрующій умъ и сердце: то — мудрость [которая] не только совмѣщаетъ въ себѣ свойства Премудрости, свыше сходящей (Іак. III, 17), но состоитъ въ благодатномъ черезъ вѣру усвоеніи духа, Самого Христа, какъ Божіей Премудрости, во внутреннемъ озареніи Св. Духа отъ Самого Бога Слова во плоти, въ которомъ вся сокровища премудрости и разума сокровены“. Этотъ „...духъ Христовъ есть умъ имѣющій мудрость“. Истинной мудрости свойственно... духовное отрѣшеніе отъ всякаго мірскаго значенія и суетной славы (1 Кор. III, 18), любовь, жертвующая ...и собою и всѣми знаніями для духовнаго блага другихъ, а никакъ не самолюбивое сознаніе своего достоинства“. „Уму причастному сей мудрости должно низложить и упразднить... лжеименный разумъ и вольномысленную науку“, при ней „должна сдѣлаться... доступною къ разумѣнію и тайна судебъ міра и Церкви, открытая и кажущаяся запечатлѣнною въ Апокалипсисѣ. Ему предоставлено угадывать и разрѣшать едва-ли не самую загадочную во всемъ Апокалипсисѣ тайну звѣрнаго числа (XIII, 18)“. „Онъ не довольствуется созерцаніемъ истины только самъ для себя, а Духомъ любви Христовой влечется съ своею небесною жизнью и свѣтомъ въ самую область духовнаго владычества звѣря бездны „Вавилона“. Онъ влечется сюда, „чтобы невѣдѣнія и немощи другихъ понести во Христѣ на себѣ, чтобы нить вины другихъ, не черезъ участіе въ нихъ, а черезъ скорби покаянія и черезъ лишенія эцитимійныя за грѣхи другихъ, чтобы духовными вліяніями распространять всюду, по возможности, среди неутратившихъ пріемлемости къ жизни“. Апостольскія сѣти для уловленія и привлеченія къ Христу, хотя еще въ недовѣдомое будущее, всѣхъ избранныхъ „все еще коснящихся въ области Вавилонскаго растлѣнія“.

„Умъ, иже имать мудрость“, — подчеркиваетъ Бухаревъ дважды: и курсивомъ, и подлиннымъ греческимъ текстомъ —

стр. 416—417 и содержаніе 61—62 тетр. „первоначальной редакціи“ „Исследований“ — объ „умѣ, имѣющемъ мудрость“, предшествующее замѣчаніе и „Моя апологія“.

„ὁ τοῦς, ὃ ἔχων σοφίαν, есть духовно-живый храмъ премудрости“. Пока еще „храмъ Премудрости Божій или Софійскій“ въ Константинополѣ „какъ и умъ, имѣющій мудрость находится“ подъ властью турокъ, „въ области проявленій духа Магометанскаго: за то когда любодѣйной Турціи не будетъ и звѣрь безднѣ магометанскаго фанатизма пойдетъ въ погибель (ст. 16. 11 гл.), тогда откроется всемірное значеніе ума имѣющаго мудрость, явится и храмъ Софійи во всемъ величій христіанской святыни, какъ свѣтильникъ православія, побѣдоноснаго надъ врагами и дающаго миръ всему не отвергающему мира. Въ храмѣ Софійскомъ имѣеть послѣдовать помазаніе и вѣчаніе Православнаго Царя для Православнаго Востока“— „тогда удобно будетъ, какъ въ храмѣ Софійскомъ видѣть величественное внѣшнее выраженіе ума, имѣющаго мудрость—Христа, такъ и въ семь умѣ созерцать великій духовный храмъ Премудрости“ ⁶¹⁾.

Въ эти мысли Бухарева стоитъ вдуматься, потому что здѣсь рѣчь идетъ о существѣ православія и объ осуществленіи исторической задачи православной Россіи. Она должна выполниться, по мысли Бухарева, въ двоякой борьбѣ—за освобожденіе православнаго Востока отъ ига Турціи и во внутреннемъ очищеніи самого православія отъ магометанскаго духа. Та и другая таинственно и тѣсно между собою связаны и, какъ приводили мы слова Бухарева, представляютъ для большинства „недовѣдомое еще будущее“. Если судьбы православія и Россіи неразрывны, то „Откровеніе и Исторія оказываются точно только какъ бы разноязычными изложеніями одного и того же предмета:—Откровеніе предначертало Исторію и— послѣдняя оправдала первое“ ⁶²⁾. Это раскрытіе единой истины.

Борьба за свое толкованіе Апокалипсиса, такимъ образомъ, основывается у Бухарева на идеѣ Церкви какъ духовно-живого Храма. Въ самые критически—важные моменты жизни, когда выяснилась судьба „Исслѣдованій Апокалипсиса“ и невозможность скорого ихъ изданія въ свѣтъ, онъ такъ опредѣляетъ свое значеніе въ церковной жизни: распоряженіе Синодальное—удерживая мою рукопись (объ Апокали-

⁶¹⁾ „Первоначальная редакція „Исслѣдованій Ап—са“, тетр. 61—62-я

⁶²⁾ „Печаль и радость“, стр. 252.

писи) въ архивѣ, мѣтитъ не на одни недостатки ея, которые не имѣютъ характера неисправимости, а на закрытіе Ап—са для моего истолкованія; съ этимъ, распоряженіемъ соглашаться, значить, по моему, выдавать дѣло церкви и слова Божія изъ-за личныхъ опасностей и страховъ. „Я не могу убаюкивать свою совѣсть тѣмъ, что пока терпѣть только мое истолкованіе Апокалипсиса; эта стража досталась мнѣ. — я и долженъ ее отстаивать“⁶³⁾. „Итакъ не Лютеру послѣдуя, а служа истинѣ—Христу, Основанію и Главѣ Церкви и—Россійской и Вселенской,—надо мнѣ рѣшиться на страшный шагъ—требовать, чтобы или не обижали самой истины,—или сняли бы съ меня противное моей совѣсти и моему долгу предъ истинною, бремя мнимаго монашескаго послушанія деспотическому произволу, уже не противъ только меня идущему, но и истинною пренебрегающему“⁶⁴⁾.—„Я знаю, пишетъ онъ тому же А. А. Лебеву, одну истину и одного ея учителя—Самого Спасителя; мнѣ радость, когда Онъ одинъ, и по отношенію къ моему труду объ Апокалипсисѣ окажется истинною... Я открыто предъ всѣми скажу, что сужденіе о судьбахъ Церкви Новозавѣтной съ точки зрѣнія ветхозавѣтной, останавливающейся на чувственныхъ личностяхъ и народностяхъ, а еще не проникающей въ самый духъ и силу дѣла, есть сужденіе фальшивое“. Бухаревъ снимаетъ санъ и несетъ церковную эпитимію ради просвѣщенія другихъ. вступаетъ „въ благодать брака, чтобы и въ нравственной брани или борьбѣ чуть не со всѣми удержаться въ живой сердечной связи со всѣми, его „избранная — представительница“, для него, „или живой образъ Святой Церкви Христовой по благодати брака“—⁶⁵⁾ значить

⁶³⁾ „Письма къ А. А. Лебеву, № 26, стр. 447.

⁶⁴⁾ *Ib.*, № 19, стр. 431.

⁶⁵⁾ *Ib.*, № 31, стр. 459. Очень важное сообщеніе о мотивахъ женитьбы А. М.—ча дѣлаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Е. А. Лебедева. Она передаетъ, что А. Н. Шубина (см. о ней въ примѣч. къ письмамъ А. М. В—ва), особа, близкая къ фрейлинѣ Императрицы Маріи Александровны—Тютчевой, припомнила уже въ 80-хъ гг. с. А. А. Лебеву: „Помните батюшка, какъ о. Теодоръ, еще будучи здѣсь (т. е. цензоромъ въ Петербургѣ) говорилъ: „если я сниму санъ, то и женюсь“. Е. А.—на передаетъ между прочимъ со словъ матери В. П—ны, фразу Шубиной. „Императрица, Тютчева и я“, которую опредѣляется ея близость къ Тютчевой. Отъ сообщенія Е. А. Лебевею становится понятнымъ, что этотъ шагъ

короче, это борьба не съ церковностию, а за Церковь, борьба съ сужденіями людей не истинно и глубоко, по его мнѣнію, церковныхъ.

Въ своей системѣ воззрѣній Бухаревъ ставитъ исторію православія въ корень исторіи вообще и имѣетъ задачей выяснить и отстоять значеніе Россіи, какъ носительницы правой вѣры. Такимъ образомъ получается ярко выраженное славянофильство, и притомъ болѣе основательное, чѣмъ славянофильство, какъ общественное теченіе, по крайней мѣрѣ въ лицѣ первыхъ его представителей. Самъ Бухаревъ признаетъ своимъ, главнымъ, если не единственнымъ, руководителемъ угличскаго юродиваго священника о. Петра Томаицкаго. Считать о. Петра единственнымъ руководителемъ въ дѣлѣ истолкованія Апокалипсиса нельзя, по другимъ свидѣтельствамъ самого же о. Феодора. Подготовкой къ изученію Откровенія онъ обязанъ Академіи, Голубинскому отчасти, отчасти и службѣ на кафедрѣ Св. Писанія. Въ самомъ дѣлѣ: похвалъ о. Феодоръ къ о. Петру за благословеніемъ съ готовымъ планомъ „Исслѣдованій“, или руководство Угличскаго старца было и побужденіемъ къ изученію Откровенія св. Іоанна Богослова? Вопросъ рѣшается двумя прямыми заявленіями автора „Исслѣдованій“. Первое найдено нами въ его черновыхъ бумагахъ, точнѣе въ прошеніи на Высочайшее имя о снятіи запрещенія печатать толкованія Апокалипсиса. „Официальный ходъ дѣла о моемъ трудѣ, пишетъ проситель, — начинается вмѣстѣ съ началомъ этого труда. Исслѣдовательный объ Апокалипсисѣ трудъ начать мною не по произволу самочинному и даже не просто по личному моему усердію, но по прямой обязанности моей академической службы на кафедрѣ истолкованія св. Писанія“⁶⁶⁾.

Еще яснѣе мотивы изученія Апокалипсиса указываются

о. Феодора былъ не увлеченіемъ только, а заранѣе намѣтившимся идейнымъ намѣреніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, „сердечными дѣлами“ главнымъ образомъ *Н. Соловьевъ* объясняетъ снятіе сана архим. Θ—мъ въ своей статьѣ: „Консисторскій судъ надъ Бухаревымъ“, „Русск. Старива“, 1897 г., мартъ, стр. 496—504. Другой Соловьевъ (В. П.) въ журналѣ „Странникъ“ за 1909 или 1910 г., июль—авг., напечаталъ повѣсть „Митра и вѣнецъ“, которая вызвала опроверженіе Е. А. Лебедевой; въ немъ, безъ упоминанія имени Шубиной, приводятся ея слова.

⁶⁶⁾ Прошеніе относится къ 1862 г.

въ передачѣ М. П. Погодина. Вотъ подлинныя слова Бухарева, приводимыя Погодинымъ: „Не знаю, говорилъ ли вамъ покойный Гоголь, что моя кафедра въ Московской Академіи была и по изслѣдованію св. Писанія. Прослѣдя одинъ разъ оба завѣта съ особенно занимавшей меня задачей раскрывать внутренній послѣдовательный порядокъ, въ какомъ шли ветхозавѣтныя и новозавѣтныя откровенія, я награжденъ и утѣшенъ былъ и вообще обиліемъ раскрывшагося предо мною свѣта Божія и особенно разъясненіемъ послѣдняго таинственнаго откровенія—Апокалипсиса. Это послѣднее совершилось просто и какъ бы само собой: идя со строгою послѣдовательностію, чрезъ это я доведенъ былъ до такой точки, съ которой, съ помощью исторіи, стало видно содержаніе Апокалипсиса въ его значеніи“⁶⁷⁾. Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ второе отмѣчаетъ „особенно занимавшую“ Бухарева, задачу раскрывать внутренней послѣдовательный порядокъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ откровеній“, а этотъ методъ изученія исторіи усвоенъ имъ у Голубинскаго, если мы припомнимъ свидѣтельство о значеніи Θεодора Александровича для Н. И. Надеждина.

Третье свидѣтельство принадлежитъ А. С. Бухаревой и по существу тождественно съ первыми: „Когда мы жили въ Ростовѣ, читаемъ въ воспоминаніяхъ (рукопись) Анны Сергѣевны, Александръ Матвѣичъ въ одинъ вечеръ разговаривалъ со мной о прошломъ: какъ онъ принимался писать Апокалипсиса; какъ ему сочувствовалъ въ то время намѣтникъ Лавры Антоній“⁶⁸⁾.

Итакъ, усвоеніе идей Голубинскаго и серьезное изученіе свянн. Писанія послужили основаніемъ чисто теоретическаго синтеза философскаго и религіознаго знанія. На это указываетъ время, къ какому относится мысль Бухарева объ идеѣ Апокалипсиса и нѣкоторыя особенности его системы. Составныя элементы этого синтеза слѣдующіе: платоновское ученіе о Логосѣ и міровой душѣ—съ одной стороны; во 2-хъ, православное ученіе о Христѣ—Свѣтѣ истинномъ, и въ 3-хъ, о Церкви православно-русской—храмъ истины (по Апокалипсису). Отожествленіе философскаго и религіознаго знанія оста-

67) „Воспом.“ М. П. Погодина, отд. изд., стр. 4—5.

68) Воспоминанія А. С. Бухаревой въ рукописи.

лось у Бухарева и впоследствии, но первое поставлено въ служебное отношеніе ко второму.

Процессъ творчества осложнился и углубился нравственнымъ переворотомъ, который произошелъ въ насъ богословъ подъ руководствомъ о. Петра, — только подъ руководствомъ о. Петра открылся о. Теодору „ключъ разумѣнія духовной истины“⁶⁹⁾, заключенной въ Откровеніи св. Іоанна Богослова, истины, готовой раскрыться въ современныхъ событіяхъ. вмѣстѣ съ этимъ естественно на первый планъ выдвигается въ системѣ Бухарева и идея Церкви, не только какъ ея ядро⁷⁰⁾, но и стимулъ чрезвычайно напряженной дѣятельности. Сочетаніе этихъ двухъ идей и составляетъ существо творчества нашего богослова. И исторія и откровеніе опредѣлились для него какъ смѣна различныхъ по духовному состоянію эпохъ, имѣющая завершиться торжествомъ Агнца—Христа, бракомъ Его съ Церковію; самая современность предстала на разныхъ ступеняхъ духовной жизни. Для Бухарева теперь стало ясно, что русскій православный народъ и есть тотъ апокалипсическій младенецъ — сынъ Жены Православной Церкви, который царственно „жезломъ желѣзнымъ унасетъ вся языки“. Есть уже, по мысли автора „Исслѣдованій“, и „залогъ“⁷¹⁾ будущаго спасенія или торжества православія, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ: восточныя войны за освобожденіе православныхъ народовъ и внутреннее оживленіе православія въ насъ отечествѣ. Это, послѣднее направленіе, правда, въ настоящее

⁶⁹⁾ Письма къ А. А. Лебеву. № 8, стр. 416—17; ср. № 37, стр. 409.

⁷⁰⁾ См. „Моя апологія“, стр. 7—9, 12—13 и далѣе.

⁷¹⁾ Терминъ беремъ у Аскоченскаго изъ его статьи „Отповѣдь на объясненіе „Православн. Обзорнія“, редактора „Домашней Бесѣды“ 1861 г.. Статья эта представляетъ собою credo Аскоченскаго въ 9-ти пунктахъ. Пунктъ второй читается: „Вѣрю, вопреки ученію „Правосл. Обзорнія“ (добавимъ: значить и вопреки ученію арх. Θ—ра, котораго защищаль этотъ журналъ), что „свѣтлый высокій идеаль Православія выясненъ вполне и великіе залогъ для развитія человечества, въ немъ заключающіеся, раскрыты тоже вполне Символомъ вѣры и ученіемъ Церкви Православной. Если Обзорніе желаетъ разубѣдить меня въ этомъ, то пусть докажетъ, что святые Божіи, начиная отъ первоученика Стефана до нынѣшнихъ праведниковъ, спасающихся въ горахъ и вертепахъ и пропасть земныхъ, совершали и совершаютъ свои подвиги, не понимая идеала Православія и не имѣя залоговъ для своего спасенія... (стр. 143).

время молодо какъ дитя и имѣеть очень немного представителей въ нашемъ народѣ, такъ какъ и въ православии русскомъ господствующими направленіями остаются ложныя—духовно іудейское, формалистическое и духовно-языческое, движущееся совсѣмъ внѣ Христа. Но имѣющее возрасти новое движеніе приведетъ къ освобожденію отъ „плѣна Вавилонскаго“, къ побѣдѣ надъ „зміемъ“ папства и „лжеименнымъ разумомъ“ протестантства, къ „посевію“ народовъ Запада жезломъ православія. Въ „школѣ“ о. Петра и обозначилась „утренняя заря“⁷²⁾ обновленія православія и скорого его раскрытія.

Мы имѣемъ возможность прослѣдить, какъ въ ней воспитывался о. Теодоръ,—по первоначальной редакціи его толкованій Апокалипсиса.

„... Третій, достойный представитель⁷³⁾ именно благодатно—Христова дѣтства и отрочества,—направленія, дающаго удоб-

⁷²⁾ Изъ письма Ректору М. Д. А—ми А. В. Горскому отъ 14 іюля 1862 года: „Далека я отъ отрицанія истиннаго благочестія и истинной добродѣтели или любви къ истинѣ во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые идутъ не по направленію, какому я хотѣлъ весь предаться. Но есть различіе между свѣтомъ дня болѣе и болѣе угасающаго и свѣтомъ дня разсвѣтающаго; мерцаніе послѣдняго надежныѣе по отношенію къ будущему, чѣмъ ясная ларя вечерняя. Примѣненіе притчи — понятно“. „Русск. Старина“, 1889 г., т. 89, стр. 498; id. Ист. М. Дух. Академія. С. К. Смирнова, стр. 626—32.

Въ „Восп.“ Бухаревъ пишетъ: О. Петръ „видѣлъ уже духомъ своимъ... утреннюю зарю“ православія, стр. 40-я. То же самое, но болѣе опредѣленно сказано въ воспоминаніяхъ А. С. Бухаревой: „Вотъ еще я припомнила одинъ разговоръ со мной Александра Матвѣича:—онъ живо сознавалъ, что мы живемъ на рубежѣ новаго времени. Онъ говорилъ: „Филаретъ и др. (не помню, кого онъ еще называлъ)—все это прекрасно, свято, во все это прекрасно какъ свѣтъ зари вечерней, тихо и торжественно догорающей;—взоръ мой покоится на немъ съ любовью и благодарностію“. Но съ особенными упованіями и благословеніями слѣдить онъ за блѣдными (пока еще едва замѣтными) мерцаніями зари утренней, общающимися прекрасный разсвѣтъ и длинный лучезарный свѣтъ. А. М—чь, продолжаетъ она, самъ трудился и другихъ приглашалъ трудиться надъ обновленіемъ мысли и жизни христіанской и потому болѣе радовался такимъ литературнымъ статьямъ, гдѣ выражались хотя младеическія попытки къ этому обновленію, чѣмъ другимъ—зрѣлымъ и серьезнымъ статьямъ“.

⁷³⁾ Тетр. 54-я первоначальной редакціи „ислѣдованій Апокалипсиса“—начинается прямо съ этого, а предшествующая тетрадь и начало этой утеряны.

ство войти въ Небесный Храмъ и составляющаго для Православія великую о Господѣ надежду въ будущемъ, — есть одинъ молодой человекъ, изъ податнаго состоянія. Первые лѣта дѣтства онъ провелъ въ сиротствѣ, при злой мачихѣ. Воспитаніе его въ отроческомъ возрастѣ и въ первую пору юности было такого рода, что его жестоко сѣкли за дерзость ходить въ сосѣдніе Угличу города и обители для богомолья безъ паспорта, котораго напрасно онъ добивался. А главное, онъ очень рано взысканъ былъ упомянутымъ Старцемъ Петромъ, которому онъ и преданъ всею душою во Христѣ. Знвшіе его видѣли въ немъ, какъ выразилась одна весьма благочестивая и образованная инокня, свѣтлую натуру дитяти, но съ страшными и иногда невыносимыми для живущихъ съ нимъ капризами и причудами. Жаловались на него и отцу Петру, который однако не бранилъ его за своеюравную причудливость, и только замѣчалъ: „онъ мудренъ: его не вдругъ разгадаешь“. Тайна же его, сколько знаю по безчисленному множеству моихъ опытовъ и наблюденій надъ нимъ, состоитъ въ томъ, что онъ чрезъ духовное дѣланіе самого же отца Петра, настроился по духу вѣры, чисто какъ Евангельское отроча, и чрезъ эту младенческую вѣру, свободно и просто входилъ въ сокровищницу любви Христовой — въ сердце Отца Петра ⁷⁴⁾; а ребяческія причуды и кажущееся своеуравіе были или покровомъ или выраженіемъ благодатныхъ движеній или дѣлъ по духу любви Христовой, — то есть любви ради Христа и Его благодатію несущей тягость, возлюбляемаго о Христѣ. Тайну и высшихъ степеней и опасностей духовной жизни онъ понимаетъ превосходно, хотя это по какому-то духовному инстинкту. Помню, когда я вдвоемъ съ товарищемъ читалъ, въ слухъ этого человека, изъ книги Святого Макарія описаніе благодатныхъ состояній; то можно было примѣчать, что самый дух сихъ состояній былъ для него осязателенъ и приводилъ его въ восторгъ. Я сталъ знать его, когда онъ по благословенію своего Старца Петра, сошелся съ близкимъ ко мнѣ вышеуказаннымъ книжникомъ-фарисеемъ ⁷⁵⁾ въ христіанствѣ, какъ онъ самъ себя

⁷⁴⁾ Напечатанное въ разрядку подчеркивается нами. Объясненіе ниже.

⁷⁵⁾ Книжникъ-фарисей — самъ о. Теодоръ. Основаніемъ для этого слу-

называетъ нерѣдко. Скажу объ ихъ отношеніяхъ, что имѣлъ случай узнать. Первомъ дѣломъ этого двадцати-четырёхлѣтняго крестьянскаго сына съ ученымъ монахомъ фарисейской закваски было развязать его сколько-нибудь отъ мертвой и рабской фарисейской праведности; онъ съ нимъ почти постоянно, какъ только было возможно, разговаривалъ или шутилъ по-просту, по-дѣтски,—кормилъ его лакомствами,—кладалъ въ постель какъ ребенка, перекрестивъ его самъ и увольняя отъ вечерняго молитвеннаго Правила. Душа заколеблѣла въ іудейской черствости монаха незамѣтно размягчилась. Но онъ съ горькою шуткою говорилъ своему послушнику ⁷⁶)—аввушкѣ (какъ онъ сталъ называть его, потому что самъ этотъ необыкновенный руководитель монаха, не хотѣлъ принимать имени аввы, а вызвался на названіе „аввушки“): не знаю, говорилъ онъ своему аввушкѣ, что выйдетъ изъ всего этого. Говоря по совѣсти, я не знаю, какъ и людей-то искренно любить или попріласкать. „Да развѣ дѣти, возразилъ тотъ, знаютъ, какъ и почему они любятъ мать и ласкаются къ ней?“ И что-жь? Онъ скоро достигъ того, что дѣйствительно, какъ мать иногда пѣстала монаха-фарисея,

жить его автобіографія, гдѣ авторъ такъ пишетъ о недочетахъ своего воспитанія въ дѣтствѣ: „зло было въ фарисейской закваскѣ, — въ прокравшемся къ мальчику направлевіи казаться болѣе нравственнымъ и скромнымъ, нежели сколько это было на самомъ дѣлѣ по собственному его сознанію.—Разъ какъ допустилъ до себя мальчикъ эту закваску,—порожденіе противохристіанскаго фарисейскаго духа, тотчасъ оказалось въ немъ и дѣйствіе яда.—Впослѣдствіи моему Герою пришлось много страдать и горько плакать отъ развившихся плодовъ этого раняго несчастнаго посява на дѣтскую еще его душу, — посява, поддержаннаго и оплодотвореннаго, разумѣется, послѣдующими вліяніями и обстоятельствами. За то ему же дано, потомъ, первому сказать живое слово противъ равноіудейскаго и фарисейскаго духа, усилившагося и въ христіанствѣ, даже православномъ. Видно, нужно было сначала развиться во всѣхъ своихъ крайностяхъ Савлову фарисейскому духу, чтобы по сознанію его лжи и злоговрности, тѣмъ энергичнѣе и обширнѣе могъ воздѣйствовать и раскрыться благодатный и властительно-свободный духъ Павловъ“. Стр. 222—3.

⁷⁶) Кто такой былъ послушникомъ о. Феодора,—неизвѣстно, но это безъ сомнѣнія тотъ самый, о которомъ, между прочимъ, писалъ проф. П. С. Казанскій къ Бахметевой (См. примѣч. 9-е), и который приведенъ былъ о. Ѡ—ромъ отъ о. Петра въ одну изъ поѣздокъ на родину — въ Тверскую губ.

и этотъ (какъ послѣ признавался мнѣ) самъ не зная какъ дѣтски ласкался къ нему съ сердечною любовію, мысленно съ живостію представляя себѣ Божию Матерь съ Богомладенцемъ или по-дѣтски лепеча съ своимъ пѣстуномъ о чемъ-нибудь духовномъ. Когда же этотъ упадаль въ духъ и мысляхъ съ дѣтскою простоты или утрачиваль направленіе духовное; тотъ, съ чрезвычайною тонкостію, это угадываль и бросаль или браниль его по-дѣтски же. Въ ученыхъ занятіяхъ своего братскаго чада Аввущка какъ-то примѣчаль, когда тотъ сбивался съ толку или допускаль сомнѣніе; въ такихъ случаяхъ онъ безцеремонно подходилъ къ ученому монаху съ словами: „Лучше брось“. Равно за успѣшное раскрытіе какой-либо плодотворной мысли Аввущка награждалъ своего питомца или лакомствами или деньгами; потому что деньгами онъ распорядился и употребляль ихъ, по видимости, съ ребяческою расточительностію, однако главнымъ образомъ на нищихъ и притомъ не безъ разбора. Если куда по его совѣту отправлялся ученый монахъ, то всегда или самъ находилъ въ другихъ, или другимъ доставляль духовное утѣшеніе и пользу. Самое священно-служеніе его становилось для него легче, хотя и не совсѣмъ освобождался онъ отъ внутренней туги. Духовно-ученое вліяніе его на другихъ видоизмѣнилось противъ прежняго тѣмъ, что, тогда какъ прежде интересовались, или неудовлетворялись имъ просто по мірскому, теперь его слово для однихъ было съменемъ живымъ⁷⁷⁾, дающимъ духовные отпрыски благодат-

⁷⁷⁾ Объ увлекательности рѣчи А. М. Бухарева вотъ свидѣтельство *М. П. Погодина*: „Никого въ жизни моей не встрѣчалъ я,—говоритъ М. П.,—съ такимъ осязательнымъ, такъ сказать, убѣжденіемъ объ участіи, дѣйствіи Промысла, въ человѣческой жизни, какое онъ (о. Матвѣй Ржевскій, близкій къ Гоголю) обнаружилъ. Онъ говорилъ о Промыслѣ, какъ-бы о близкомъ себѣ челоуѣкѣ, котораго онъ видитъ, слышитъ, ощущаетъ ежеминутно его присутствіе. Во всякомъ словѣ его звучало это убѣжденіе. Точно такое же убѣжденіе слышалось въ словахъ А. М. Бухарева (бывшаго о. архимандрита Феодора), въ истинахъ Христіанства. Нечего говорить, что многіе имѣють убѣжденія въ томъ или другомъ, что убѣжденіе слышится у нихъ болѣе или менѣе, но чтобъ такъ проникало оно въ каждый звукъ рѣчи, и чтобъ такъ было можно ощущать его,—это я могу сказать только, изъ извѣстныхъ мнѣ, объ двухъ людяхъ; объ о. Матвѣѣ относительно Промысла, объ о. Феодорѣ относительно истинъ Христіанства. „Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ“. Мнѣ кажется, та-

наго направленія мысли и духа, а въ другихъ возбуждало безпокойствіе и нетерпѣливые толки. Довольно сказаннаго для удостовѣренія, какъ это направленіе благодатно-Христово дѣтства сильно и дѣйственно для духовнаго оживленія и освѣженія даже самой закоснѣлой въ духовной мертвости души. И съ какою премудрою предусмотрительностію были, во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ же двоихъ человѣкъ, предотвращаемы Отцемъ Петромъ, могущія произойти разныя крайности. Такъ, во-первыхъ, благодатно-дѣтское направленіе, при человѣческой прирожденной грѣховности, давало мѣсто оборотной сторонѣ этого направленія — ребячеству, легкомыслію въ духовной области Христовой истины и благодати. Въ отвращеніе этого Отець Петръ говорилъ: „въ храмъ шалить-то не нужно“ или „людьми не надобно шалить“. Слова весьма знаменательныя! Допускать легкомысленное ребячество при раскрытіи живого значенія и силы Христовой истины, при разсмотрѣніи Тайнъ и даровъ Христовой благодати дѣйствительно значило бы шалить въ Небесномъ храмѣ, и притомъ шалить людьми, которыхъ вся судьба навѣки содержитсяъ въ Христовой истинѣ и благодати, и которыхъ оживленіе духовно-нравственное, въ наше время, какъ и всегда, зависитъ отъ духа и силы Христовой благодати. И утраченное по дѣтскому упрямству, непослушанію и легкомыслію, послѣ всѣхъ опытовъ вразумить упрямое отроча, — отецъ Петръ уже не возвращалъ упрямому, чтобы чрезъ это и наказать и вмѣстѣ сгладить его упрямство. Во-вторыхъ, могла быть опасность, чтобы отъ мертвящаго формализма духовно-оживляемое отроча не бросилось въ крайность противоположную, не пренебрегало церковнымъ внѣшнимъ устройствомъ. Противъ этой крайности отецъ Петръ вотъ что дѣлаетъ: въ выраженіе и залогъ своего бла-

лаять особенный А. М. Бухарева состоялъ въ силѣ слова живого, а не письменнаго. Убѣжденіе его выражалось болѣе всего въ рѣчи изустной, и сообщалось слушателю магнетически. Этимъ объясняю неограниченную преданность и благодарность ему учениковъ его, назъ конхъ съ нѣсколькими я имѣлъ случай встрѣчаться и разговаривать“. Погодинъ отмѣчаетъ у А. М-ча тяжелый слогъ, многословную часто темную рѣчь сочиненій. Правда, она иногда очень запутана вводными и придаточными предложениями и опредѣлительными словами; иногда въ періодъ можно насчитать около полутора десятка предложений. М. 1873, стр. 263.

гословенія и обѣщаній раздаеть какія-либо вещи: палочки, кольчички и тому подобное; такъ что съ утратою ихъ лишается права и на выраженное въ нихъ благословеніе и обѣщаніе. Поелику же Старець все дѣлаетъ по отношенію къ духовному и Небесному храму Христовой благодати и истины; то онъ чрезъ это внушаетъ внимательному, что въ домостроительствѣ благодатномъ необходимо извѣстное внѣшнее устройство (которое только не по одной наружности должно соблюдать), что пока хотя бы со слабою вѣрою соблюдалось это устройство, дотолѣ еще благодать и истина съ нами, и мы еще не безнадежны въ духовномъ отношеніи, но, что по совершенномъ пренебреженіи и утратѣ внѣшняго церковнаго устройства, рѣшительно утратили бы мы и силу благодати и чистоту истины Христовой. Наконецъ, въ-третьихъ, даже Аввупка рѣшительно удостовѣрялъ своего чадочка или дѣточка, какъ онъ выражался, что особенно и главнымъ образомъ хранить и заступаетъ его Матерь благая Пресвятая Богородица, хотя и другіе святые такъ же ходатайствуютъ объ его спасеніи. При сихъ-то условіяхъ, конечно, можно съ сохраненіемъ навсегда духа младенчества Христова постепенно и незамѣтно возрастать въ мужа совершенна, въ мѣру полного возраста Христова (разумѣется всевозможно остерегаясь или освобождаясь отъ іудейскаго самооправданія и сомнѣнія,—отъ успокоенія на законной мертвой формѣ Православія)“...

Приведенный отрывокъ очень характеренъ для первоначальной редакціи „Исслѣдованій Апокалипсиса“, представляющаго много автобіографическаго матеріала и крупныя внѣшнія и внутреннія особенности. Поэтому необходимо по-подробнѣе узнать біографію или житіе о. Петра Томаницкаго и содержаніе ранней редакціи труда Бухарева. Въ противномъ случаѣ можно, пожалуй, сказать про толкованіе этой рукописи Апокалипсиса, вмѣстѣ съ С. К. Смирновымъ, что оно „наполнено многими странностями“⁷⁸⁾. Да и самая личность юродиваго о. Петра заслуживаетъ глубокаго интереса, какъ личность подвижника, прозорливца и чудотворца еще при жизни, какъ истиннаго мудреца православія и яркаго выразителя православно-русскаго церковнаго вѣросознанія.

⁷⁸⁾ „Ист. Моск. Д. Акад.“ стр. 463.

учителя „дѣтскаго состоянія во Христѣ“ и даже „всемирнаго благочиннаго“.

II.—Отець Петръ Томаницкій ⁷⁹⁾.

„Родиною о. Петра Томаницкаго былъ погостъ Якимовскій, Угличскаго уѣзда, Ярославской епархіи“ ⁸⁰⁾, а отецъ—того же погоста дьячекъ Алексѣй Васильевъ. Годомъ рожденія Петра вѣрнѣе считать 1782-ой (5 іюня) ⁸¹⁾. „Родитель его

⁷⁹⁾ Объ о. Петрѣ имѣются 1) воспоминанія Бухарева („Воспоминанія о покойномъ, заштатномъ священникѣ Новоіерусалимской слободы Отца Петрѣ Томаницкомъ“, Ярославль 1871 г.), но онѣ, при своей цѣнности, представляютъ сравнительно большую трудность со стороны плана и языка. Поэтому, обращаясь къ нимъ въ необходимыхъ случаяхъ, мы даемъ очеркъ жизни о. Петра по слѣдующимъ брошюрамъ и статьямъ: 2) „Жизнь и дѣянія прозорливаго старца отца Петра Томаницкаго, заштатнаго священника въ слободѣ Входа-іерусалимской, близъ города Углича“—Ярославскаго прот. „Флег. Морева“, съ дополненіями напечатанная въ 3) „Жизнеописаніяхъ отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18-го и 19-го в.“, изд. русскаго Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря, м. Сентябрь („О. Петръ, священникъ Іерусалимской слободы подъ Угличемъ“, стр. 19—61 и „Блаженные свѣщ. Петръ и старецъ Василискъ Угличскіе“, стр. 61—62), съ двумя портретами. (Отдѣльныя изданія брошюры о. Морева мы знаемъ два: Ярославль 1886 г. и Рыбинскъ 1894.) 4) Она служила пособіемъ для статьи въ „Церк. Вѣд.“ за 1881 г. „Дивный путь спасенія“, № 1-ый. Авторъ статьи лично зналъ старца. 5) Обзорѣніе епархіи арх. Іонаваномъ („Яросл. Еп. Вѣд.“ 1881 г. было и отдѣльно). 6) Известны намъ „Записки“ свѣщ. Рыбинскаго женскаго Софійскаго монастыря о. Петра Семеновскаго и 7) въ „Яр. Еп. В.“ за 1881 г. № 51—52. Воспоминанія Бухарева нужно считать основнымъ (пособіемъ) для всѣхъ воспоминаній, записокъ и статей, нами перечисленныхъ. Для Морева пособіемъ были 1, 5, 6; для третьей, кромѣ Морева, еще и 4-я; седьмая, кромѣ Бухарева, основывается и на 6-ой. Четвертая не упоминаетъ 7-ой; авторъ поясняетъ, что поводомъ къ написанію статьи былъ архипастырскій призывъ высокопреосв. Іонавана—поддержать домикъ о. Петра, пришедшій въ ветхость. Матеріаломъ для жизнеописаній нужно считать и проповѣди при встрѣчѣ тѣла о. Петра въ Рыбинскѣ, произнесенную прот. Р. Путьинымъ. Изданіе брошюры А. М-ча: „Воспоминанія о покойномъ заштатномъ священникѣ о. Петрѣ Томаницкомъ“ сдѣлано о. Архистархомъ Ізраилевымъ и, очень знаменательно, въ память А. М-ча и вѣсть о. Петра, а было готово къ 40-му дню смерти Б-ва.

⁸⁰⁾ „Жизнеоц. от. подвижн.“ стр. 19-я.

⁸¹⁾ П. Бухаревъ со словъ старца, но противъ документальныхъ данныхъ, считаетъ годомъ рожденія 1775-ый. Успѣшное прохожденіе курса предполагаетъ болѣе позднюю дату рожденія П. Томаницкаго. Если онъ

былъ человекъ неученый, многосемейный“. „Но въ дѣтствѣ и зрѣлыхъ лѣтахъ, находясь подъ непосредственнымъ надзоромъ своего отца, того же погоста священника Василья Петрова, онъ получилъ строго-нравственное направленіе въ жизни и самъ былъ добрымъ примѣромъ въ своемъ семействѣ. Онъ обратилъ на воспитаніе Петра, какъ своего первенца мальчика, преимущественное вниманіе“⁸²⁾, привилъ ему добрыя качества ума и сердца. Въ этомъ видимо болѣе сильное значеніе имѣли для мальчика наставленія дѣда—священника. Въ виду бѣдности и многочисленности семейства отца, успѣшное прохожденіе курса семинаріи сопряжено было у Петра съ пѣніемъ въ архіерейскомъ хорѣ, а въ послѣдніе годы—съ регентствомъ на лѣвомъ хорѣ⁸³⁾. Въ 1807 г., около „26 лѣтъ отъ роду“⁸⁴⁾, онъ женится на дочери умершаго священника слободы Новоіерусалимской“⁸⁵⁾ „находящейся въ растояніи версты отъ Углича, выше города по Волгѣ, на живописномъ ея берегу“⁸⁶⁾, и 5-го апрѣля посвященъ сюда во священника. Первые годы службы (до конца 1813 г.) были рѣшающими для самоопредѣленія и выбора дальнѣйшей дѣятельности. „На высоту духовнаго совершенства о. Петръ возведенъ былъ особеннымъ необычнымъ

родился въ 1775 г., какъ думалъ Бухаревъ, то кончилъ курсъ (въ 1807 г.) 32-хъ лѣтъ. Лучше считать документальную запись (въ духовныхъ росписяхъ) соотвѣтствующую дѣйствительности, а у Бухарева въ „Воспоминаніяхъ“ дату на стр. 21-ой и примѣчаніе—неправильными; также на 24 и 47-ой стр. слѣд. поправить (авторъ пишетъ на 47-ой стр., что о. Петръ скончался 3 сентября 1866 г. *на 92 году* отъ рожденія, *вѣрнѣе* будетъ—на 85-мъ).

⁸²⁾ „Воспом.“ А. М. Б—ва, стр. 21—22.

⁸³⁾ Ib. 22. „Жизнеоп.“ стр. 20-я.

⁸⁴⁾ „Дивн. путь“ стр. 5-я.

⁸⁵⁾ „Воспом.“ А. М. Б—ва стр. 25-я. Въ брошюрахъ прот. Морева слобода наз. „Входоіерусалимскою“, а въ „Еп. Яросл. В.“ 1881 г. просто „Іерусалимскою“ (№ 37, стр. 293). Въ „Обозрѣніи Яр. Епархіи“ описывается внутрен. видъ храма въ слободѣ; отмѣчается также, что въ церковной лѣтописи записаны всего два событія: пожаръ Іерус. слободы и посѣщеніе церкви архіеп. Ниломъ. Творенія святоотеческія въ церкви. бібліотекъ тѣ самыя, которыя читалъ и навѣрно пріобрѣлъ о. Петръ въ первые годы службы. Стр. 294-я. Уроженецъ г. Углича, пр.-доц. Москов. университета А. Н. Серебренниковъ сообщаетъ, что въ угличскомъ Музеѣ Древностей имѣются издѣлія о. Петра.

⁸⁶⁾ „Жизнеоп.“ стр. 20; „Дивный путь“, стр. 5-я.

образомъ, путемъ страшныхъ злоключеній, путемъ каръ по-видимому законныхъ, душевныхъ потрясеній, доходившихъ, по-видимому, до умоизступленія!⁸⁷⁾

Первые три года, посвященные чтенію божественныхъ книгъ съ болѣе частымъ, чѣмъ до него, совершеніемъ богослуженія, прошли спокойно⁸⁸⁾. Они отгѣнили въ молодомъ пастырѣ настроенность иного порядка, чѣмъ какая господствовала въ окружающей средѣ. Она то и возбудила сильную злобу сослуживцевъ, недовольныхъ увеличеніемъ дѣлъ по своей должности и пренебреженіемъ священника къ увеличенію причтовыхъ доходовъ. Многочисленныя жалобы членовъ причта въ Угличское Духовное Правленіе, имѣющихъ тамъ родственниковъ, и, болѣе всего, нежеланіе о. Петра защищаться, взводимыхъ на него обвиненій, кончились строгой карой—трехдневнымъ заключеніемъ въ холодномъ чуланѣ при Правленіи⁸⁹⁾.

Кротость и незлобіе, къ обидчикамъ, проявленныя о. Петромъ по возвращеніи изъ заключенія, еще болѣе раздражило ихъ—„развязало руки“. На дорогѣ къ дому съ одной требы причетники жестоко избили своего священника. О. Петръ опять не пытался даже защищаться, хотя это, при его крѣпкомъ тѣлосложеніи, не стоило бы особенныхъ усилій. Онъ былъ борцомъ въ другомъ отношеніи⁹⁰⁾. „Предъ духовнымъ зрѣніемъ о. Петра уже съ перваго несправедливаго

⁸⁷⁾ „Дивный путь“, стр. 4—5. „Плодъ зрѣлой духовной мысли и жизни развился у о. Петра не иначе, какъ изъ сѣмянъ, принятыхъ почвою его духа еще въ дѣтствѣ и юности. Только этимъ можно объяснить то, что онъ силу и значеніе плода обозначалъ черезъ указаніе на самыя сѣмена. Сѣмена же эти были, разумѣется, не иное что, какъ добрые и живительные для духа инстинкты внутренніе и соотвѣтственныя имъ внѣшнія впечатлѣнія, или, точнѣе сказать: тѣ вѣянія Христова Духа, которыя Петръ будучи еще юношею, отрокомъ и дитятею, своею душою слышалъ и воспринималъ во внутреннихъ своихъ движеніяхъ, внѣшнихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ своихъ. А душа его была, по природѣ, глубокимъ и многообъемлющимъ сосудомъ.—„Восп. Б—ва“ 24.“ Въ развитіи духовной мысли и жизни весьма важное значеніе для о. Петра имѣло изученіе святоотеческихъ твореній по книгамъ, которыя сохранялись въ церк. бібліотекѣ Іерусалимск. слободы. (См. „Яр. Е. В.“, 1881 г. № 37, стр. 94-я).

⁸⁸⁾ „В—ія“ А. М. Б—а стр. 25; „Жизнеопис.“ стр. 20; „Дивный п.“ стр. 5.

⁸⁹⁾ „В—ія“ Б—ва стр. 25; „Жизнеопис.“ стр. 20.

⁹⁰⁾ „В.“ Б—ва, стр. 26—7.

суда и заключенія ясны стали очертанія креста, на него упавшихъ конечно не безъ воли небесной, и онъ рѣшился понести тотъ крестъ безропотно⁹¹⁾. Случай повторился и съ этого времени о. Петръ сталъ чаще задумываться⁹²⁾.

Къ сожалѣнiю мало имѣется подробностей касательно слѣдующаго важнаго событiя изъ жизни о. Петра. „Въ 1812 году наступило грозно-тревожное для Россiи время—вторженiя Наполеона. Русскiй народъ былъ потрясенъ до глубины души: простодушное большинство принимало великаго завоевателя за самого антихриста. Крестьяне серьезно спрашивали своихъ приходскихъ священниковъ, что надо дѣлать, когда станутъ муками принуждать къ отступничеству отъ Христа?“. Это тревожное настроенiе, усилившееся по вступленiи французовъ въ Москву, въ Новоиерусалимской слободѣ произвело безпорядокъ во время литургiи: „среди молящихся разнесся слухъ, будто Наполеонъ входитъ въ Угличъ“. Произошла паника и богослуженiе прервалось. Вслѣдъ за народомъ изъ храма побѣжалъ было и причтъ, но съ о. Петромъ случилось что-то странное: „онъ оказался не просто пугливо изумленнымъ, но, при вмѣшательствѣ другихъ, и грозно изступленнымъ, готовымъ разить веѣхъ его окружавшихъ“. Весьма враждебно настроенные члены клира воспользовались этимъ, насильно разоблачили о. Петра, съ оскорбленiями, бiенiями и бранью привели домой и приковали на цѣпь. О. Петръ скоро успокоился отъ припадка въ Ярославской больницѣ—вдали отъ злобной среды⁹³⁾.

Черезъ годъ по возвращенiи на службу, которую онъ правилъ по обыкновенiю безупречно, развѣ съ большею противъ прежняго отрѣшенностью отъ всего земного, еще одно событiе снова вызвало болѣзненные явленiя и окончательно направило всю дѣятельность о. Петра въ форму тяжелаго подвига—Христа-ради юродиваго. Дiаконъ Димитрiй Марковъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ помириться съ о. Петромъ и пригласилъ его къ себѣ въ домъ. Замѣшательство хозяйина, растерянно отказывавшагося выпить первому предло-

⁹¹⁾ „Дивн. п.“ 5—6.

⁹²⁾ „В.“ В—а, стр. 27. Въ приходѣ состояло съ 1881 г. 16 селенiй; въ которыя изъ нихъ верстахъ въ 10—13 отъ—церкви. „Яр. Еп. В.“ 1881 г № 37, стр. 94.

⁹³⁾ В—а „В.“ стр 27—29. „Жизн.“, 23.

женное гостю въ знакъ мира вино съ ядомъ, открыло злой умыселъ, но о. Петръ, перекрестившись, съ евангельскими словами: „аще и что смертно испіють, не вредить ихъ“ (Мар. XVI, 18) выпилъ стаканъ. Съ нимъ тотчасъ сдѣлалось дурно, а потомъ онъ сталъ по временамъ забываться, бить себя, убѣгать въ чемъ попало изъ дому. Впрочемъ онъ скоро сталъ предчувствовать припадки и тогда просилъ жену (Ксенію Ивановну):

— Оксинья, прикуй меня! ⁹⁴⁾

Въ 1814 г. родные снова привезли было больного въ Ярославскую лечебницу, но замѣтивъ тамъ жестокое обращеніе прислуги, взяли о. Петра домой ⁹⁵⁾. „15-го февраля этого же года онъ, въ виду болѣзненного состоянія, уволенъ отъ должности епархіальнымъ начальствомъ, при чемъ отобраена была у него и ставленническая грамота“ ⁹⁶⁾.

Съ этого времени отецъ Петръ несетъ тяжкое бремя юродства. Съ самаго начала этотъ подвигъ былъ отмѣченъ даромъ прозорливости. Первые проявленія прозорливости послужили для о. Петра и послѣднимъ испытаніемъ. Двукратно предуказанный имъ—сначала женѣ, а потомъ сосѣдкѣ,—пожаръ уничтожилъ всю слободу; погбло въ огнѣ и все почти имущество о. Петра ⁹⁷⁾. Затѣмъ, прозорливныя обличенія во время пребыванія въ Угличѣ полицейскаго пристава и въ Рыбинскѣ—поставщика въ первомъ городѣ кончились жестокими побоями и заключеніемъ въ домъ умалишенныхъ, а во второмъ—благополучно только при народномъ вмѣшательствѣ ⁹⁸⁾. Эти событія открываютъ ему болѣе вѣрный, но не менѣе трудный путь въ духовномъ дѣланіи. „О. Петръ сталъ тихъ и кротокъ; цѣпи, которыми его ковали, оказались не нужными. Считаая рѣзкій тонъ осужденія бесполезнымъ, о. Петръ смотритъ теперь на немощи людей какъ на

⁹⁴⁾ Морева стр. 10; „Дивн. п.“ стр. 6; Бухаревъ не знаетъ о покушеніи діакона и объясняетъ возобновленіе „чрезвычайныхъ движеній его духа, казавшихся припадками умопомѣшательства“ враждебной обстановкой, неутраченными военными слугами и непрочностью благочестиваго общественнаго настроенія послѣ наполеоновскихъ войнъ.—„В.“ стр. 29.

⁹⁵⁾ Морева стр. 10; „Дивный п.“ стр. 6.

⁹⁶⁾ „В.“ В—ва стр. 29, „Д. П.“ стр. 6—7.

⁹⁷⁾ „В.“ стр. 30.

⁹⁸⁾ Ib. 31—32.

болѣзнь, а на грѣшниковъ — какъ на дѣтей, которыхъ за малыми исключеніями слѣдуетъ исправлять мягкими мѣрами. И онъ исправляетъ „дѣтскія дѣла“ присушею ему въ высокой степени Христовою благодатию“⁹⁹⁾.

И самъ о. Петръ вель жизнь младенческую¹⁰⁰⁾. „Въ домашнемъ быту онъ не терпѣлъ роскоши: носилъ простой холщевый бѣлый халатъ, подрясникъ надѣвалъ только въ церковь и для принятія какихъ либо именитыхъ посѣтителей, а рясы не имѣлъ во всю жизнь.

„По внѣшнему виду о. Петръ былъ весьма благообразенъ: довольно-высокаго роста, имѣлъ чело возвышенное, носъ орлиный, глаза чрезвычайно выразительные и взоръ глубоко-проницательный, волосы на главѣ и брадѣ серебристые; въ бѣломъ одѣяніи своемъ онъ казался существомъ не земнымъ.

„Жилъ онъ дома какъ гость не входя ни въ какія распоряженія. Пищу принималъ какую подавали ему домашніе, и всегда былъ доволенъ, какъ бы ни была скудна его трапеза. Если замедляли обѣдомъ, онъ не требовалъ его; когда подавали — ѣлъ и, помолвившись, благодарилъ жену свою Ксенью Ивановну, а послѣ ея смерти невѣстку. Каждый вечеръ усердно помолвившись Богу, онъ склонялся ко сну на жесткій примосточекъ у русской печи, подлѣ самой двери въ холодныя сѣни. Не рѣдко дверь въ сѣни отходила или оставалась недотворенною по недосмотру родныхъ, бывало что и на примосточкѣ положить дрова,—о. Петръ двери не затворитъ и ляжетъ на дрова. Нерѣдко въ сильныя морозы въ одной рубашкѣ и босой онъ долго работалъ у своего домика и оставался здоровымъ.

„Особеннымъ для о. Петра утѣшеніемъ было посѣщеніе храма Божія, гдѣ онъ неопустительно бывалъ въ каждый воскресный и праздничный день. Онъ вставалъ на клиросѣ и пѣлъ вмѣстѣ съ причетниками. Онъ свято исполнялъ всѣ уставы и постановленія церковныя, особенно посты соблюдалъ весьма строго. Любилъ молиться о. Петръ и на берегу Волги; не разбирая погоды шель онъ туда лѣтомъ въ одной рубашкѣ длинной и бѣлой, а зимой въ трескучіе морозы въ коротенькомъ тулупцѣ“.

⁹⁹⁾ „Жизн.“ 26 стр. „В.“ В—а, стр. 32—3.

¹⁰⁰⁾ „В.“ В—а стр. 37.

Но было неизвѣстно, причащается ли о. Петръ св. Тайнъ. На вопросы, почему онъ не причащается и не говѣеть. о. Петръ отвѣчалъ: я недостойнъ, я всегда говѣю. Можетъ быть это было у него тоже подвигомъ, но иные говорили, что о. Петръ причащается запасными св. дарами. Только передъ смертію онъ открыто причастился и принялъ таинство елеосвященія ¹⁰¹).

Жизнеописаніе даетъ болѣе 30-ти примѣровъ удивительной прозорливости о. Петра, привлекавшей къ нему множество посѣтителей всякаго званія ¹⁰²), между прочимъ и духовныхъ ¹⁰³). Къ старцу шли и за нравственной поддержкой, и

¹⁰¹) „Дивн. п.“ стр. 8—9; „Жизн.“ 33.

¹⁰²) 24—26; 42—43; 45—47; „В.“ Б—ва, стр. 20-я, указываютъ случай прозорливости, не отмѣченный у другихъ авторовъ, но онъ не досказываетъ и здѣсь: „Когда одна свѣтская, образованная женщина, видя своего мужа какъ-то слишкомъ самоуничижающимся и какъ бы раболѣбствующимъ предъ старцемъ, почувствовала въ тайнѣ своего сердца недовольство этимъ, только не по гордости, а по чисто сердечному отвращенію отъ рабскихъ самоуничиженій духа; то о. Петръ сейчасъ же отозвался на тайное ея ощущеніе и мысль: „правда! Свѣта не надо мѣшать со тьмою“. Эта свѣтская образованная женщина—А. С. Бухарева. Это было, по ея разсказу, въ 1863 г. А. С—ну поразилъ видъ, посѣтителей о. Петра и ихъ угощеніе виномъ. Она подумала: что общаго у А. М—ча съ другими посѣтителями старца? На это о. Петръ и сказалъ: „Правда, правда! Кое общеніе свѣту ко тьмѣ?“ Старецъ предлагалъ всѣмъ выпивать—на столѣ стояли бутылки съ краснымъ виномъ, пустыя и налитыя рюмки. А. С—на немного смущалась непривычною грубоватостью гостей и обращенія и рѣшила не пить. Вошла въ комнату прислуга. О. Петръ задалъ ей вопросъ: „Станетъ ли она (А. С—на) пить?“—Угощай, батюшка? Старецъ вмѣсто обычнаго: пей! обратился къ А. С—нѣ: „Кушайте, сударыня!“ А. С—на была чрезвычайно удивлена такимъ прозорливымъ вѣдѣніемъ чужихъ мыслей.

¹⁰³) Въ примѣч. на стр. 8-ой въ статьѣ: „Дивный путь спасенія“ авторъ указываетъ страницу 17-ую Воспоминаній о. Петра Семеновскаго. Цѣпата читается въ слѣдующемъ видѣ: „При занятіи таинными работами о. Петръ бывалъ всегда *въ усиленныхъ движеніяхъ духа и овладевалъ* мыслию и чувствомъ своихъ посѣтителей, которымъ понемногу становились понятными значеніе и смыслъ его работокъ“ (сноска 16—17 стр.). При первыхъ посѣщеніяхъ подвижника, говорить о себѣ авторъ „Воспоминаній“ (о. П. Семеновскій), казались мнѣ непонятными его работки, тогда какъ другіе явно были возбуждены его дѣйствіями. „*Поймешь, когда нужно будетъ*“, вдругъ *сказалъ онъ* (о. Петръ-юродивый) *на мою тайную грустную мысль. И потомъ я самъ не замѣтилъ, какъ дѣйствительно понятно стало то или другое дѣло о. Петра и я увидѣлъ себя какъ бы на лекціи.*

за совѣтомъ по дѣламъ житейскимъ. Обыкновенно о. Петръ очень своеобразно указывалъ своимъ посѣтителямъ ихъ нравственныя состоянія, пробуждая ихъ самосознаніе и усиливаясь вводить ихъ въ служеніе Богу,—своими „работками“. „Весь столъ у него былъ уставленъ разными вещицами, камешками, палочками, желѣзками, досточками и разными издѣліями изъ нихъ. Эти вещицы о. Петръ точилъ, пилилъ, складывалъ, ронялъ. При занятіяхъ такими „работками“ онъ бывалъ всегда въ усиленныхъ движеніяхъ духа и овладѣвалъ мыслью и сердцемъ своихъ посѣтителей, которымъ понемногу становилось понятнымъ значеніе и смыслъ этихъ работокъ. „Въ этомъ дѣланіи на пользу ближнихъ о. Петръ видѣлъ свое спасеніе: „Работай, Петруша, работай; помолись за нихъ Богу, помолись о нихъ“—говаривалъ онъ, а когда замѣчалъ, что посѣтители проникаются его настроеніемъ, добродушно отмѣчалъ: „Понемножку исправляюсь“¹⁰⁴).

Кромѣ работокъ о. Петръ часто употреблялъ для обозначенія духовнаго состоянія своихъ посѣтителей и ихъ наученія нѣкоторые образы и загадочныя выраженія. Между ними замѣчательны выраженія „книги олтарныя“, „книги клиросныя“. Первые характеризовали вѣрующихъ сообщивъ по тѣснымъ своимъ обстоятельствамъ и злостраданіямъ духу Христова самопожертвованія, а вторыя—людей, раскрывающихъ духъ общаго служенія Богу жизнію и словомъ, и въ частности наукою и искусствомъ. Жизнь по началамъ вѣры онъ называлъ „печатаніемъ Библіи“.

которая овладѣвала всѣми, какъ власть имѣющая. Иногда же смыслъ загадочныхъ его дѣйствій становился понятнымъ впоследствии, и именно тогда, когда бывало это нужнымъ“.—Все напечатанное курсивомъ—подлинныя выписки изъ Воспоминаній Бухарева, а не о. П. Семеновскаго, остальное пересказъ изъ той же брошюры, очень близкій. Ср. стр. 16-ю „Воспом.“ Бухарева.—Авторамъ статей „Дивный п.“ и „Жизнеоп.“ извѣстны обращенія А. М. Бухарева къ старцу, но указанія ихъ безымянны. Первый пишетъ: „Одинъ весьма извѣстный по глубокому духовному просвѣщенію и странной судьбѣ, сперва духовный и даже священный инокъ, затѣмъ мірянинъ, но и въ мірѣ сохранившій до самой своей весьма назидательной кончины глубоко-благочестивое настроеніе, самый преданнѣйшій почитатель о. Петра“... стр. 9—10. Второй такъ говоритъ: „Одинъ изъ священнослужителей церкви, ревнуя о духовномъ просвѣщеніи Россіи... со слезами умолялъ его (старца) помочь молитвами... и т. д. Id., ср. у Бух—ва „В.“, стр. 40-я.

¹⁰⁴) „В.“ В—а, стр. 16-я.

Очень образно его толкованіе 21-го стиха 22-ой гл. Еван. Матѳея: воздадите Кесарева Кесареви и Божія Богуви.

Кесарево—деньги, запечатлѣнные образомъ и надписаніемъ Кесаря. Богу, значитъ, должно воздавать деньги, запечатлѣнные Его именемъ и надписаніемъ, каковы сами люди по самому созданію. О. Петръ любилъ употреблять выраженіе: дѣлать деньги (т. е. оживлять и раскрывать въ себѣ и другихъ черты образа Божія, какъ то—умъ свѣтлый и мыслящій по Господу, сердце боголюбивое и челоувѣколюбивое) и внушалъ дѣлать ассигнаціи синенькія (небеснаго цвѣта, указующаго на небесное жительство и въ земномъ. По воззрѣнію о. Петра всѣ дѣльцы нехристіанскаго образа мыслей и анти-христіанскаго образованія относятся къ дѣлателямъ фальшивыхъ ассигнацій. А истинное духовное дѣланіе состоитъ по его словамъ въ томъ, чтобы монахъ за церковною службою и молитвою, ученый—мыслию и словомъ, купецъ—куплей и продажей, крестьянинъ—земледѣлецъ—сохой и топоромъ—всѣ работали Господу, всѣмъ своимъ посѣтителямъ—о. Петръ говоритъ одинаково: „работайте, работайте!“¹⁰⁵) Женщины—„Э то азбучки“, сказала однажды старецъ, когда пришли къ нему посѣтительницы. Названіе азбучекъ означаетъ, очевидно, живыя книжки для первоначальнаго обученія въ жизни благодатной и земной. Поэтому имъ принадлежитъ большая задача—воспитанія семьи въ духѣ православія¹⁰⁶).

Заботы о. Петра объ исправленіи касались: личной совѣсти

¹⁰⁵) Ib., 6 стр.

¹⁰⁶) Ib., стр. 17—18; ср. „О соврем. дух. потребн.“ 915—16. Для полноты отзывомъ о Бухаревѣ приведемъ сдѣланный очевидно владѣльцемъ этой книги (поступила потомъ въ Биб—ку М. Д. Академіи—Алл. №№ 1553—1554; 250; по карточному каталогу^{19/192}): „Бывшій Архимандритъ Александръ Матвѣевичъ *Бухаревъ* скончался отъ рожденія на 47 году, въ городѣ Переяславль-Залѣскомъ Владимірской губерніи, 2-го Апрѣля 1871 года, на Святой недѣли. Воспитанникъ Московской Духовной Академіи, духовный писатель, оставившій въ 1863 году санъ Архимандрита и монашество и обращенный въ самаго бѣднаго Гражданина. Мужъ безукоризненной нравственности, горячій поборникъ христіанскаго просвѣщенія, челоувѣкъ всего себя приносившій въ жертву своимъ идеямъ, не всегда вполне благоразумнымъ, но всегда происходившимъ отъ горячяей любви къ челоувѣчеству и истинѣ“.

посѣтителей, семейной жизни ¹⁰⁷⁾, общественной дѣятельности. Кроме того онъ руководилъ двумя женскими монастырями: Срѣтенскимъ Капшинскимъ, ввѣреннымъ его попеченію подвижникомъ Адрианомъ ¹⁰⁸⁾, и созданнымъ самимъ о. Петромъ—Рыбинскимъ Софійскимъ ¹⁰⁹⁾; своимъ просвѣтленнымъ взоромъ онъ касался и всего государственнаго и церковнаго строя Россіи.

О воспитаніи о. Петромъ личности рассказываетъ А. М. Бухаревъ: „Придешь бывало къ нему, весь загроможденный суетой или уныніемъ; онъ станетъ надъ тобой работать духовно и когда то, наконецъ, проглянетъ въ твою душу свѣтъ Божій, возбудятся живыя движенія и мысли духовныя о. Петръ скажетъ добродушно: „понемножку исправляюсь“, указывая, „что онъ себѣ вмѣнилъ твое духовное разстройство и нечувствіе“ и радуется твоему духовному возстановленію и исправленію. „Случалось, не помнишь по дѣлу душевному чего либо особенно важнаго и нужнаго, о. Петръ твое духовное забвеніе... съ Христовою любовію возьметъ на свою душу и скажетъ кротко: я забылъ то-то и то-то“ ¹¹⁰⁾.

Другой случай ярко изображаетъ, какъ прозорливое знаніе души человѣческой однимъ словомъ давало направленіе всей дальнѣйшей жизни.—„При жизни Ксеніи Ивановны, супруги о. Петра; жила у нихъ въ качествѣ прислуги крестьянка Авдотья Аванасьева. Замѣтивши однажды намѣреніе о. Петра жечь принесенныя ему посѣтителями деньги, она успѣшила остановить его, говоря: „что ты, батюшка, дѣлаешь? Отдай-ка, отдай мнѣ деньги!“ О. Петръ, какъ будто обиженный, съ улыбкою въ лицѣ проговорилъ: „на, на, жадная; умрешь, такъ по тебѣ и Святой-то Боже пѣть не будутъ!“ На это Аванасьева съ сердцемъ проговорила: „что я некрещеная что-ли?“ Однако же слова старца запечатлѣлись въ сердцѣ крестьянки. Знала она, что слова его сбываются съ поразительною точностію, и не мало боялась своей будущей кончины. „Не потонуть бы въ рѣкѣ, не сгорѣть бы въ

¹⁰⁷⁾ Ib. стр. 318.

¹⁰⁸⁾ Основателемъ общины. О немъ см. „Движ. путь“, стр. 10, „Жизн.“ стр. 35—6; 456 „Яр. Еп. В.“ 1881, № 51, стр. 422.

¹⁰⁹⁾ Почему основанъ имъ *Софійскій*, а не другого наименованія монастырь?—см. „В.“ Б—ва, стр. 43; объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

¹¹⁰⁾ „В.“ Б—ва стр. 7-я; „О современн. духовн. потреби.“ 313-я.

огнѣ“, думала Аванасьева, и тѣмъ усерднѣе молилась Богу сохранить ее отъ такой смерти. По кончинѣ о. Петра она поступила въ Софійскій монастырь, жила благочестиво и скончалась въ первый день Св. Пасхи, такъ что по ней, дѣйствительно, не пѣли „Трисвятаго“ ¹¹¹⁾.

Образецъ благодатнаго воздѣйствія Петра на семейную жизнь можно видѣть на его собственной семьѣ, руководимой частыми его предуказаніями. По увольненіи отъ должности, при ничтожномъ пособіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, при добровольныхъ только приношеніяхъ поспѣтителей въ видѣ булокъ, крендельковъ, денегъ, которыя онъ раздавалъ нищимъ, (а деньги, какъ мы видѣли, уничтожалъ если за нимъ не присмотрятъ), трое дѣтей о. Петра выросли, воспитались и пристроились къ великому удивленію окружающихъ ¹¹²⁾.

Какимъ благодатнымъ руководителемъ былъ о. Петръ для вѣреннаго его попеченію Срѣтенскаго Кашинскаго монастыря, объ этомъ говоритъ игуменія этой обители, Антонія ¹¹³⁾, отмѣчая дивное проявленіе прозорливости о. Петра въ непрерывной нити его совѣтовъ.

„Божимъ попущеніемъ за грѣхи наши крестьяне начали притѣснять обитель нашу въ пустоши, находящейся отъ Кашинскаго монастыря въ 12 верстахъ: за 30 слишкомъ десятинъ они давали аренды не болѣе 17 руб. и при этомъ держали ту землю въ небреженіи, безъ должнаго удобренія, а лѣсъ почти весь истребили. Тогда я рѣшилась просить благословенія у батюшки о. Петра оставить ту пустошь за собою, чтобы завести на ней скотный дворъ и учредить свое собственное монастырское хозяйство. Батюшка нѣсколько разъ спрашивалъ: „далеко ли эта пустошь отъ Кашина“, и затѣмъ началъ про себя говорить что-то высокое и непонятное для моего разума. Говорилъ онъ и слова псалма 64-го: поспѣтилъ еси землю и упоилъ еси ю, умножилъ еси обогатити ю... Разбогатѣють красная пустыни, и радостию холми препояшутся. Одѣяшася овни овчїи, и удоля умножать пшеницу: воззовутъ, ибо воспоютъ. Въ бытность батюшки у

111) „Жизнеопис.“ стр. 42—43.

112) „В.“ Бухарева, стр. 35, „Жизнеопис.“, стр. 33—4.

113) Изъ рода дворянъ Мезенцевыхъ „Див. П.“ стр. 11.

меня, пріемля благословеніе на обработку пустоши, я просила его благословить мѣсто. Старецъ охотно съѣздилъ и благословилъ, но благословеніе его было столь высоко и таинственно, что явилось недоступнымъ моему разуму. Запомнила я только то изъ словъ его, что мѣсто это будетъ свято, и живущихъ на немъ будетъ много святыхъ. Скотный дворъ скоро былъ выстроенъ, запашка заведена,—а батюшка началъ говорить, что тутъ будетъ церковь во имя свв. Петра и Онуфрія, и какъ-то совсѣмъ неожиданно прислалъ икону св. Петра Аеонскаго и преп. Сильвестра *) въ благословеніе на начало и устройство пустынной церкви, и въ то же время благословилъ ставить на землѣ той кирпичный заводъ. Началась выдѣлка кирпича, который совершенно кстаті понадобился и на постройку монастырскаго корпуса, а отъ построенія церкви отказывалась я два года. Онъ же, старецъ, напоминая о постройкѣ, часто повторялъ мнѣ выраженія о Господѣ Богѣ: Всесильный, Всемогущій, Всеблагій, давая тѣмъ понять, что для Господа все возможно; но скудная вѣра моя препятствовала понимать ясно и свѣтло обращенія ко мнѣ слова старца, что и навело на меня многія испытанія.

Разъ старецъ ¹¹⁴⁾, на первой недѣлѣ Великаго поста, прислалъ наказъ прибыть къ нему и отправиться въ Рыбинскъ на послушаніе—строить монастырь. Я, тронувшись скорбью посланныхъ сестеръ, явилась къ старцу, чтобы заявить о неисполнимости его порученія во время говнїи; но батюшка сталъ гнѣваться, всталъ предъ иконами и грозно сказалъ, что все потеряно, если не исполню послушанія. Не могу припомнить, какими словами онъ выразилъ гнѣвъ свой; только такой страхъ обуялъ меня, какого еще никогда я не испытывала. Въ страхѣ за свое спасеніе, при непослушанїи волѣ челоуѣка Божїя, я рѣшилась слѣдовать въ Рыбинскъ безъ вѣдома своего епархіальнаго начальства. По прїѣздѣ въ незнакомый городъ ¹¹⁵⁾ сразу пошла я въ соборный храмъ

*) См. „Дѣло о несостоявшейся канонизаціи Сильвестра, иг. Обнорскаго“ въ настоящемъ №-рѣ.

¹¹⁴⁾ 7 февр. 1857 г. (Ів. стр. 11).

¹¹⁵⁾ У автора ст. „Дивный путь“ указываются болѣе точныя даты: Иг—їя Антонїя прїѣхала въ Рыбинскъ 8 февраля вечеромъ, а на слѣдующій день—утромъ въ воскресенье 9-го февраля—пошла въ соборъ. Стр. 11.

Божій съ молитвою о помощи себѣ Божіей... Изъ собора стали меня звать въ дома именитыхъ жителей: вездѣ я являла волю пославшаго меня старца и вскорѣ получивша искомое въ лицѣ почетнаго гражданина Андрея Ив—ча Миклютина въ такихъ размѣрахъ, какихъ и въ помышленіи не имѣла. На построеніе монастыря предложены были и деньги, 25000 руб., и вполне удобная для созданія обители земля, и опытный строитель, и скорое начатіе самаго дѣла. Это былъ первый урокъ моему невѣрію въ могущество Божіе по молитвамъ и силѣ духа старца, властно дѣйствовавшаго, тѣмъ болѣе для меня замѣчательный, что старецъ, провожая меня въ Рыбинскъ, такъ свѣтло провидѣлъ будущее, что велѣлъ посмотрѣть и мѣстечко для имѣющей создаться обители. Нежданно-нечаянно я выполнила и это приказаніе старца, видѣла и осмотрѣла мѣсто. Осмотрѣнную землю Миклютинъ купилъ за двѣ тысячи рублей, потомъ же другія лица охотно предлагали ему за нее до пяти тысячъ рублей. За покупкою земли тотчасъ же возникло и дѣло о построеніи Рыбинскаго монастыря— и обитель для дѣвъ и вдовиць милостію Божіею въ скоромъ времени начата построениемъ ¹¹⁶⁾.

Былъ и другой чувствительный урокъ моему маловѣрію, когда старецъ послалъ меня къ умирающей старушкѣ, которая, не зная моего убожества, назначила меня душеприказчицею своего имѣнія. Отказаться было невозможно, ибо дѣло то велось по благословенію старца. Она завѣщала Рыбинскому монастырю пять тысячъ рублей, много иконъ—

¹¹⁶⁾ Авторъ ст. „Обозрѣвіе епархіи преосв. Іонааномъ, архіеп. Ярослав.“ по запискамъ о. П. Семеновскаго, приводитъ разсказъ, какъ о. Петръ Том—ій указалъ мѣсто построенія Софійскаго м-ря: „Нерѣдко сестры общины (основанной подвижн. Адріаномъ и предъ смертію порученной угличскому старцу) поднимали при о. Петрѣ вопросъ о мѣстѣ устроенія обители и намѣчали для этого ту или другую мѣстность, но не получали на то благословенія отъ своего духовнаго руководителя. „Такъ, батюшка, укажите вы сами мѣстечко-то“, сказали нѣкоторыя изъ стариць. О. Петръ... отвѣтилъ имъ прикровенно и какъ бы шутя: „А стройте тамъ, гдѣ Богъ велитъ, да, чу! гремитъ. Тамъ есть гора, тамъ былъ я самъ; и видѣлъ ручеекъ; въ немъ клады есть; онъ полонъ золота доверху“. Затѣмъ запылъ: „На лужку, близъ рѣчки, гдѣ паслись овечки, гдѣ теперь одинъ пустырь, тамъ будетъ монастырь“.—Стр. 422. Здѣсь же описаніе храма въ честь Софій Премудрости Божіей (стр. 423—4).

священныхъ книгъ и всякаго движимаго имѣнія и, кромѣ того, назначила получать оброки и отсылать ихъ въ Рыбинскъ. По малодушію моему я тяготилась выполненіемъ этого дѣла, однакоже, какъ умѣла, вела его нѣсколько времени и послѣ; съ одной вѣрной женщиной я препроводила всѣ билеты; болѣе пяти тысячъ, къ Андрею Ивановичу; но Миклютинъ отвѣтилъ, что имъ принято вовсе не пять тысячъ рублей, а восемь съ приращеніемъ, оказавшимся въ выросшихъ процентахъ.

Послѣ такихъ уроковъ и еще не разъ приходилось мнѣ слышать напоминаніе отъ старца — строить церковь на пустоши нашей Кашинской обители, вслѣдствіе чего я рѣшилась просить объ устройствѣ церкви. За такое домогательство начали меня бранить и ближніе и дальніе, и дѣла мои трактовать съ небреженіемъ, отчего я упала духомъ и скорбѣла. Отъ старца не укрылось мое малодушіе. Онъ началъ меня посылать въ Москву, но зачѣмъ? Этого не могла я понять, доколѣ не увидѣла на самомъ дѣлѣ плодовъ послупанія. „Побывай и прими благословеніе у митрополита“¹¹⁷⁾, — наказывалъ старецъ, и это принесло самыя благія послѣдствія. Владыка посадилъ меня и началъ спрашивать о монастырѣ; дошелъ разговоръ и до пустоши и желанія создать на ней храмъ Божій, — и онъ обѣщаль свое ходатайство предъ Синодомъ и написалъ мнѣ письмо къ нашему святому владыкѣ Филоею¹¹⁸⁾. Намѣстникъ же Сергіевой лавры¹¹⁹⁾ сочинилъ мнѣ новое прошеніе, совершенно иное противъ моего прошенія, что и было высказано мною; но намѣстникъ замѣтилъ, что „сыны вѣка сего премудрѣе сыновъ свѣта“.

До разрѣшенія построенія церкви послѣдовало обстоятельство, навлекшее на меня поношеніе и укоризны отъ всѣхъ, знающихъ меня. Бутъ и цоколь церкви мною были произведены до полученія начальственнаго о церкви разрѣшенія единственно по благословенію о. Петра и еще архимандрита Аѳонскаго Ксеновскаго монастыря Матѳея. Когда шло дѣло о созданіи церкви, лѣтомъ привезены были въ

¹¹⁷⁾ Филаретъ (Дроздовъ).

¹¹⁸⁾ Филоею Тверской.

¹¹⁹⁾ Антоній.

Кашинъ архимандритомъ тѣмъ св. мощи святыхъ греческихъ. Узнавши о нашей скорби, онъ пожелалъ обнести ихъ съ молебствіемъ вокругъ мѣста, назначеннаго для построения церкви, и отправился на монастырскую пустошь. Когда служили тамъ молебныя пѣнія для стороннихъ богомольцевъ, архимандритъ Матѳей, безъ вѣдома моего, пошелъ искать мѣсто для церкви и избралъ то самое, которое раньше избрано и благословлено старцемъ Петромъ Угличскимъ, что необычайно поразило меня, а вмѣстѣ и укрѣпило въ вѣрѣ, что церковь, желаемая къ построению, преуказана угличскимъ прозорливцемъ не случайно, а по благоизволенію воли Божіей. Въ виду двукратнаго указанія одного и того же мѣста для храма Божія, я согласилась на избраніе мѣста для св. престола; и лишь только архимандритъ Матѳей началъ класть первые камни для бута и благословлять преднамѣренное священное зданіе, вдругъ послѣдовало знаменіе: рой пчель прилетѣлъ на мѣсто, избранное для церкви, покрылъ его, и скоро отдался людямъ собрать себя, поставить подлѣ мѣста избраннаго для церкви... Въ скоромъ времени послѣ того времени мною былъ назначенъ крестный ходъ изъ нашего Кашинскаго монастыря съ принесенными св. мощами архиѳакона Стефана и великомучениковъ Теодора Тирона и Георгія для торжественнаго освященія въ пустыни мѣста, избраннаго для созданія церкви, и лишь только стало совершаться обхожденіе того мѣста съ мощами святыхъ, новый рой пчель, опять неожиданно для всѣхъ, прилетѣлъ и покрылъ собою мѣсто для церкви, ранѣе покрытое первымъ прилетѣвшимъ роємъ. Тогда я не усомнилась, по совершеніи водоосвященія, дозволить заложить бутъ преднамѣренной церкви во имя свв. Петра Аѳонскаго и Онуфрія Великаго. Знаменія сіи были для присутствующихъ, которые малодушествовали и удивлялись, что по однимъ благословеніямъ старческимъ, до разрѣшенія Св. Синода, заложена постройкою желаемая церковь. Послѣ они сами сознались, что просили знаменія отъ Господа, если дѣло это благоугодно Господу, и знаменіе для маловѣрныхъ не умедлило воспослѣдовать. Того же лѣта на священномъ мѣстѣ выкладенъ былъ цоколь всей церкви, за что мнѣ предрекали подначальство и ссылку и посылали тайныя жалобы святому Владыкѣ нашему Филоѳею. Такія пререка-

нія и жалобы расположили меня вести это дѣло лично отъ себя, безъ посредства сестеръ. Чтобы ни одна изъ нихъ не могла нести отвѣтственности за мои дѣйствія. Прошла затѣмъ тревожная зима ожиданій, какъ на первой недѣлѣ Великаго поста 1863 года получено изъ Св. Синода желаемое разрѣшеніе строить церковь. Это извѣстіе принесло мнѣ величайшую радость, но не умедлило вызвать и новыя думы и заботы о средствахъ для сооруженія разрѣшеннаго къ постройкѣ храма Божія. Пожертвованій не было, слухи о замедленіи дѣла объ устройствѣ храма охладили усердствующихъ; просить же въ одолженіе угличскій старецъ не благословлялъ. Я вспомнила тогда чудеса, явленныя въ устроеніи женской обители Рыбинской, и вѣрою въ Промыслъ Божій укрѣпляла себя въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, каковое упованіе и не постыдило меня. Въ день исповѣди пришла ко мнѣ неизвѣстная женщина и вручила мнѣ значительную сумму на устроеніе храма билетами и расписками на шесть тысячъ рублей. Правда, расписки были весьма сомнительны, да притомъ еще часть денегъ была отдана тою женщиною на сохраненіе одному священнику безъ всякой расписки, что наводило сомнѣніе на возможность полученія предложенныхъ суммъ. Мы въ немаломъ раздумьѣ поѣхали къ батюшкѣ о. Петру показать тѣ бумаги; но старецъ похвалилъ ихъ и завѣрилъ насъ, что деньги по такимъ распискамъ получить можно, и тутъ же отдалъ всѣ тѣ расписки одному чиновнику, прибывшему принять его благословеніе. И для чиновника бумаги тѣ казались сомнительными, но, по вѣрѣ въ благословеніе прозорливаго старца, онъ принялъ на себя трудъ взысканія и въ послѣдствіи получилъ всѣ деньги сполна. На эти суммы и имъ подобныя и сооруженъ былъ пустынный храмъ свв. Петра Аeonскаго и Онуфрія Великаго подъ названіемъ „Кладбищенской церкви Кашинскаго Срѣтенскаго женскаго монастыря“.

Во время производства церковныхъ работъ также не мало было дивныхъ знаменій въ укрѣпленіе нашего упованія. Такъ Господь послалъ опытнаго надзирателя за работами, въ лицѣ одного заштатнаго священника, который и смотрѣлъ за постройкою, и совершалъ всенощныя бдѣнія въ сооружаемомъ храмѣ во все время производства работъ. Не одинъ разъ замѣчено было, что голуби летали надъ церковію въ

видѣ вѣнца; въ другой разъ виденъ былъ радужный лучъ надъ крестомъ сооруженнаго храма, что усмотрѣли ѣхавшіе къ церкви той изъ города Кашина. И всѣ эти благодатныя дѣйствія явлены были въ виду слабыхъ и немощныхъ сестеръ обители за молитвы и благословеніе старца угличскаго, который въ Божіемъ всевѣдѣніи ясно провидѣлъ будущее и выполнилъ созданіе храма Божія необычайными и, поистинѣ, дивными средствами¹²⁰). Такъ, замѣтимъ, исполнилось предсказаніе подвижника Адріана сестрамъ будущаго Срѣтенскаго Кашинскаго монастыря, предъ своею смертію указавшаго имъ на о. Петра какъ лучшаго, чѣмъ онъ самъ, для нихъ руководителя: „Угличскій старецъ о. Петръ Томашицкій будетъ лучшимъ, чѣмъ я грѣшный, наставникомъ для васъ и устройтелемъ дѣлъ вашихъ; чрезъ него Господь явитъ вамъ свою великую и богатую милость“¹²¹).

„О. Петръ и самъ удивлялъ и другимъ давалъ понятіе пути особеннаго промысла Божія въ устроеніи Софійскаго монастыря. „Чудныя дѣла, чудныя дѣла! Какія перемѣночки случились“,— говорилъ онъ мысленно взирая и удивляясь, какъ мірское и земное бытіе людей поднимается къ жизни церковно-благодатной, какъ духъ Христовъ воздѣйствовалъ въ мірскихъ людяхъ и подвигнулъ ихъ къ устроенію пристанища для возлюбившихъ жизнь дѣвственную, богоугодную. На своемъ своеобразномъ языкѣ старецъ выражалъ эту дивную перемѣну такими словами: „уголья-то все равно, что въ церквахъ, что въ кузницѣ раздувають“¹²²).

Въ жизни о. Петра было не мало случаевъ, въ которыхъ онъ проявилъ себя цѣлителемъ немощныхъ. Примѣры приводятся въ „Жизнеописаніяхъ отеч. подвижниковъ“.

„Самая кончина достопамятнаго подвижника послѣдовала такъ: еще за годъ до нея о. Петръ сталъ часто говорить: „пора ужъ домой“. Руководимые его совѣтами выражали по поводу этихъ словъ сожалѣніе. Старецъ говорилъ имъ: „молитесь! немножко житья и поприбудетъ свѣчками (молитвами) дѣтскими“. За полгода до кончины лѣвая рука

¹²⁰) „Жизнеоп.“ 47—54.

¹²¹) „Дивн. п.“ стр. 14.

¹²²) Прот. Морева стр. 45, „Дивн. п.“ 12, ср. „Яр. Е. В.“ 1881, № 52, стр. 434.

старца и вся половина тѣла поражены были параличомъ. Для него стало тягостію принимать посѣтителей; но число ихъ при вѣсти о болѣзни старца болѣе и болѣе увеличивалось. За двѣ недѣли до смерти старецъ исповѣдывался и приобщился св. Таинъ и принялъ таинство Елеосвященія. За трое сутокъ приблизительно онъ изъявилъ желаніе быть погребеннымъ въ Рыбинскомъ Софійскомъ монастырѣ. Померъ онъ 3-го сентября 1866 года, около 85-ти лѣтъ отъ рожденія“¹²³).

Вѣсть о смерти о. Петра быстро распространилась въ Угличѣ и его окрестностяхъ. Къ его тѣлу стекалось такое множество народа, что для пѣнія панихидъ приходили на смѣну двумъ мѣстнымъ священникамъ городскіе и сельскіе священно-церковно-служители. Въ теченіи 5 дней тѣло о. Петра находилось въ домѣ: стояла ведрая погода, отъ многолюдства и тѣсноты въ комнатахъ былъ невыносимый жаръ; однако въ шестой уже день при отпѣваніи въ церкви не было замѣтно признаковъ тлѣнія. „Въ седьмой день тѣло предавали землѣ и когда для этого открыли гробъ, то всѣхъ обдало только ароматнымъ холодомъ“.

Въ слободѣ Иерусалимской массы народа не дали впрячь лошадей въ погребальную колесницу, а повезли на себѣ чрезъ всѣ улицы Углича, при колокольномъ звонѣ, въ предшествіи всего городского духовенства. У каждой церкви, по дорогѣ отъ Углича до Рыбинска, пѣлись литіи. Въ Софійскомъ Рыбинскомъ монастырѣ для встрѣчи собралось все городское духовенство. Извѣстный проповѣдникъ о. Родіонъ Путятинъ привѣтствовалъ усопшаго своимъ душевнымъ словомъ. По совершеніи соборной панихиды гробъ праведника опущенъ въ нарочито приготовленный склепъ въ притворѣ Софійскаго храма¹²⁴).

¹²³) Замѣчаніе о. Петра: „Уголья-то все равно, что въ церквахъ, что въ кузницахъ раздуваютъ“ у Б—ва обобщается и подъ „перемѣлочками“ онъ разумѣетъ весь процессъ, въ которомъ мірское и земное поднимается свободно къ духу церковно-благодатному. „В.“ 44 стр. О. Петръ любилъ употреблять уменьшительныя слова: перемѣночки, работки, азбучки, дѣтки, по силкамъ [работать]. Ib. 423. Стр. 54—6.

¹²⁴) „Жизнеоц.“, стр. 57-я; Бух—а „В.“, 46; „Дивн. п.“, стр. 12-я.

III—Первоначальная редакція „Исслѣдованій Апокалипсиса“.

Первоначальная редакція „Исслѣдованій Апокалипсиса“, изъ которой заимствуются нами свѣдѣнія объ о. Петрѣ, дѣлится въ общемъ на двѣ части. Но первая часть очевидно не закончена, потому что она обнимаетъ только введение и три первыхъ отдѣленія „Исслѣдованій“ позднѣйшей, отпечатанной теперь, редакціи¹²⁵⁾. По своему содержанию она не представляетъ какихъ-либо существенныхъ особенностей. Наиболѣе крупными будутъ развѣ слѣдующія: а) Въ ней иное, чѣмъ въ позднѣйшей заглавіе—не: „Исслѣдованія Апокалипсиса“, а: „Объ Апокалипсисѣ св. Іоанна Богослова“. Это, безъ сомнѣнія, первоначальное заглавіе всего труда¹²⁶⁾. б) Не хватаетъ въ ней начальнаго параграфа. „О назначеніи и значеніи „Исслѣдованій Апокалипсиса“; в) Не отдѣленъ пятый параграфъ введенія отъ четвертаго. 2) Начало самыхъ „Исслѣдованій“ отмѣчено литерою „А“, а „Видѣнія о судьбахъ Вселенской Церкви“—литерою „Б“.

Изъ мелочей можно указать въ ранней редакціи болѣе точное обозначеніе устройства апостольской церкви какъ нормы, а не формы (Изд. „Б. В—ка“ 193 стр., „Объ Апокалипсисѣ“ тетр. 9-ая 2-го счета), менѣе полное заключеніе III-го отдѣленія самыхъ исслѣдовацій („Исслѣдованія“, стр. 397—

¹²⁵⁾ Изд. „Богосл. Вѣстника“, Сергіевъ Посадъ, 1916 г.

¹²⁶⁾ См. напр. письмо 30-е, отъ 22 іюня 1862 г.: „Стоять на стражѣ дѣла объ Апокалипсисѣ“—трудъ „Объ Апокалипсисѣ“, стр. 456. Ср. П. В. Знаменскаго: „Б. полемика“, стр. 86-я. Въ письмѣ 25-мъ къ А. А. Лебеву трудъ назывался иначе: „Исслѣдованія объ Апокалипсисѣ“, стр. 441-я. Съ редакціи „Объ Ап—сѣ“ пытался сдѣлать для себя копию ректоръ Казанской Д. Акад. Памятка на полѣ 73 тетради указываетъ, что къ печати предназначена была эта редакція, во съ выпусками. Печатаніе было предпринято еще въ 1861 г. книгопродавцемъ Овсянниковымъ. Нѣсколько листовъ книги было уже напечатано, какъ объ этомъ узналъ Аскочевскій и поспѣшилъ довести м. Преодору (С.-Петербургскому), сильно предубѣжденному противъ Теодора“. Въ февралѣ 1862 г. Синодомъ сочиненіе было запрещено и сдано въ Синодскій архивъ. П. В. Знаменскій „Б. полемика“, стр. 84-я. По черновымъ бумагамъ А. М—ча видно, что все-таки не всѣ исслѣдованія предназначались къ печати, хотя изданіе Овсянникова начато было печатаніемъ сразу въ двухъ томахъ: точное заглавіе книгъ: „Исслѣдованія и мысли объ Апокалипсисѣ“.

399, ср. „Объ Апокалипсисѣ“ 28-я тетрадь), прибавленіе или убавленіе нѣсколькихъ незначительныхъ примѣчаній, напр на стр. 329—330 „Исслѣдованій“ имѣется, тогда какъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ 29-ой тетради „Объ Апокалипсисѣ“ его нѣтъ и т. д.

Всѣ тетради, форматомъ въ четверку листа, переписанныя рукою двухъ переписчиковъ и представляютъ четыре группы. Посмотримъ на три первыя, содержаніе которыхъ мы опредѣлили по сравненію съ редакціей позднѣйшей—„Исслѣдованіями Апокалипсиса“.

Двѣ первыя можно назвать вполнѣ черновыми рукописями труда „Объ Апокалипсисѣ“, такъ какъ онѣ покрыты довольно многочисленными ремарками автора, приводящими содержаніе къ тому виду, какой оно имѣетъ въ позднѣйшей редакціи. Счетъ листовъ первыхъ, девятнадцати тетрадей авторскій (1—19), — карандашомъ надписано: „Объ Ап.“ „1. 2. 3“. 19-я тетрадка заканчивается изъясненіемъ 16-го стиха I главы Апокалипсиса.

Непосредственнымъ продолженіемъ является вторая группа тетрадей, переписанная инымъ почеркомъ (кромѣ 9-ой тетради, имѣющей почеркъ 1-ой группы) и съ новымъ счетомъ отъ единицы (всѣхъ тетрадей 10). Конецъ ея соотвѣтствуетъ стр. 193-ей „Исслѣдованій“. Съ отдѣльной нумераціей (187—194) четверокъ слѣдующая тетрадка по содержанію представляетъ стр. 292—297 „Исслѣдованій“, а по почерку принадлежитъ и переписчику 1-ой группы и 9-ой тетради второй. Третья группа имѣетъ 8 тетрадей со счетомъ 28—35. Онѣ уже почти не имѣютъ поправокъ автора; почеркъ—1-ой группы, содержаніе тождественно съ 317—396 стр. „Исслѣдованій“ въ печатномъ изданіи.

Вторая часть редакціи „Объ Апокалипсисѣ“ включается въ тетради послѣдней, четвертой группы. Начинается она, предположительно, 54-ой тетрадю, потому что у этой тетради начальной и конечной четвертушекъ нѣтъ. Почеркъ этой тетради переписчика 2-ой группы безъ авторскихъ выравокъ; по содержанію—она начало VI-го отдѣленія „Исслѣдованій“ и по особенностямъ содержанія, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ тетрадямъ 56.58—80, переписаннымъ рукою того же лица, что и тетради 1-ой группы. Въ этой группѣ заключаются исслѣдованія VI и VII отдѣленій

Апокалипсиса, въ редакціи ранней, — съ заглавіемъ „Объ Апокалипсисѣ“. Въ тетради 73-ей, противъ главы: „Седьмое отдѣленіе“, есть надпись карандашная; авторъ дѣлаетъ помятку: „Отселѣ опять можетъ быть напечатано до конца“. На поляхъ тетрадѣй 58, 62 и 69 есть указанія „писано 1855 г.“, „писано это 1855 г. марта 5-го дня“, „писано въ седмицу Пасхи 1855 года“¹²⁷⁾. Всѣ эти помятки даютъ возможность считать годомъ написанія отдѣленій VI и VII именно 1855-й, а переписку тетрадѣй 28—35, 54, 56, 58—80, относить къ 1859 г. приблизительно¹²⁸⁾, черновыя же 1—19, 1—10 и стр. 187—194 писаны и переписаны гораздо ранѣе. Такимъ образомъ эта редакція (если называть ее условно— „приблизительно 1855 года“), вполне соответствуетъ намѣченному и въ позднѣйшей плану (стр. 152—157 „Исслѣдованій“). По сравненію съ ней „Прибавленіе объ остальныхъ главахъ Ап—са“ и „заключительная статья“ „Исслѣдованій“ есть только значительное сокращеніе VI и VII отдѣленій редакціи „Объ Апокалипсисѣ“.

Содержаніе этихъ (VI и VII) отдѣловъ редакціи „Объ Ап—сѣ“ конспективно изложено и въ послѣднихъ главахъ „Исслѣдованій“. Но въ „Прибавленіяхъ“ и „Заключительной“ статьѣ указавши главныя мысли XV—XXII гл. Ап—са авторъ смягчилъ выводы — въ отношеніи къ Турціи и Западу—внѣшнему Вавилону или звѣрю бездны и его рогама: нѣтъ, на примѣръ, конкретности въ описаніи семи язвъ, не опредѣляетъ авторъ и времени открытія суда надъ любодѣйцей, и паденія ея.

Скупъ авторъ „Исслѣдованій“ и въ сужденіяхъ для оцѣнки состоянія современной ему русской церковной жизни. Противъ ранней редакціи не достаетъ изображенія дѣйствія язвъ на русскую жизнь, слишкомъ общо представляется господство внутри ея внѣхристіанскихъ началъ или „плѣнь Вавилонскій“ и „поклоненіе звѣрю разума человѣческаго“; будущее торжество православія не имѣетъ еще „залоговъ“ въ настоящемъ, такъ какъ дѣятели православія въ области

¹²⁷⁾ Рукою переписчика въ 58, 62, 69 тетрадяхъ. На низу тетрадѣй 58—80 сдѣланъ новый счетъ карандашемъ (74—97). Итого тетрадѣй нужно считать 97, но не всѣ изъ нихъ сохранились.

¹²⁸⁾ Если предположить, что именно по этой редакціи готовились „Исслѣдованія“ къ печати въ изданіи Овсянникова.

современной жизни и мысли авторомъ обходятся; наконецъ, исчезаетъ въ значительной степени субъективный элементъ, который позволилъ бы прослѣдить генезисъ идей автора и основанія для того или другого сужденія его при изслѣдованіяхъ Ап-са въ приложеніи къ событіямъ его времени.

Въ то же время помѣтка на 73-ей тетради относитъ значительную, наиболѣе притомъ своеобразную, часть этой редакціи, точнѣе все шестое отдѣленіе, къ матеріаламъ, подлежащимъ окончательной отдѣлкѣ даже и для этой редакціи, при предполагаемомъ печатаніи ея. Шестое отдѣленіе Апокалипсиса представляетъ, въ самомъ дѣлѣ, столько же матеріалы, какъ (это мы отчасти видѣли по отрывкамъ) и страницы дневника съ апокалипсическими только датами и необходимыми экскурсами въ область прошлаго.

Очень понятно становится, откуда начинается счетъ времени этого отдѣленія: все дѣло въ томъ, какое значеніе авторъ придаетъ личности о. Петра и развертывающимся предъ глазами политическимъ событіямъ, т. е., во взглядѣ автора на о. Петра, какъ истиннаго мудреца и дѣятеля православія и на Восточный вопросъ, рѣшеніе котораго началось по мысли Бухарева въ войну 1854—55 годовъ, и представлялось ему началомъ суда надъ „любовѣйцей—Вавилономъ“. Если апокалипсическое реченіе здѣ мудрость оправдано въ лицѣ такого мудреца, какъ о. Петръ, то, значитъ „семь язвъ“ или „изліяніе семи фіаловъ гнѣва“ нужно относить къ прошлому, а въ войнѣ съ турками—начало будущаго торжества православной Россіи.

Сдѣлаемъ сначала маленькій обзоръ періода семи казней по первоначальной редакціи¹²⁹⁾. Онъ обнимаетъ царствованіе Имп. Николая I-го.

¹²⁹⁾ Содержаніе Апокалипсиса указывается А. М. Б—ымъ въ „Изслѣдованіяхъ“ (стр. 62—69, по отдѣламъ ib. 152—157). А. М—чу стало ясно, что при его жизни „Изслѣдованія“ не будутъ напечатаны, онъ всячески старается ознакомить своихъ читателей съ содержаніемъ Откровенія св. Іоанна и поэтому очерки содержанія Апокалипсиса находятся въ вѣсколькихъ другихъ книгахъ, напр.: „Печаль и радость по слову Божію. Очерки свящ. книгъ Плача Іереміи и Пѣсни пѣсней съ прибавленіемъ соображеній объ Ап-сѣ и 3 кн. Ездры“. Послѣдній очеркъ имѣетъ заглавіе: „Соображенія 3 кн. Ездры съ содержаніемъ А-са“. Содержаніе Откровенія св. Іоанна Бг. приводится еще въ кн. „О Новомъ Завѣтѣ Г. нашего I. Хр.“, стр. 159—164.

... намъ съ благоговѣніемъ должно остановиться мыслію на совершившейся дивной побѣдѣ Агнца Божія въ отношеніи къ избранному и вѣрному Уго рабу—только что почившему въ Бозѣ Императору Николаю Павловичу. Начавъ великое свое служеніе въ то время, какъ по Апокалипсису, отверзся храмъ скинии свидѣнія на небеси (Апок. XV, 5), и самъ царски заботясь, сколько могъ и зналъ, блюсти православно-церковное устройство по правиламъ святыхъ Отцевъ и Соборовъ, онъ богохранимо прошелъ съ Россіею весь почти періодъ семи язвъ послѣднихъ, совершающихся главнымъ образомъ надъ областями боговраждебныхъ языческихъ въ духъ направлений, но, по прираженію сихъ направленій и ко многимъ изъ насъ, касающихся и Россіи. И этотъ путь ко славѣ Россіи проходилъ онъ тогда, когда за исключеніемъ избранныхъ Россіи, духъ и жизнь болѣе и болѣе склонялся къ строго-правильному, но изживающему живую силу, формализму какъ въ гражданствѣ, такъ и въ служащемъ основаніемъ оному, самомъ православіи. Но что особенно дорого... и благотворно для насъ...—онъ по благодати Божіей, за молитвы святыхъ и особенно усердной Заступницы Россіи и міра Божіей Матери, удержавшей руку Божію отъ пораженія насъ послѣднимъ судомъ,—всегда успѣвалъ въ прираженіяхъ къ намъ язвъ брать твердое направленіе вѣры ко Христу Спасителю и слѣдовательно къ нашему спасенію... не уклонился онъ и отъ тяжести Восточнаго вопроса, какъ ни вождельно было бы для него спокойствіе, послѣ столькихъ трудовъ и испытаній царственныхъ;—онъ въ правомъ и терпѣливомъ духѣ Агнца Божія входилъ въ сей вопросъ...“¹³⁰⁾.

Семи язвамъ предшествовали¹³¹⁾, поясняетъ А. М.—чь, „суды Божіи отчасти надъ внѣшнихъ новымъ Вавилономъ, каково турецкое преобладаніе надъ православнымъ Востокомъ, отчасти и особенно, надъ воспроизведеннымъ въ Западномъ Христіанствѣ, и всюду распространяемымъ, внутреннимъ направленіемъ Вавилонскаго и другихъ языческихъ преобладаній или, что то же, надъ языческою невѣрностію самою

¹³⁰⁾ Ред. 1855 г., тетр. 54-я.

¹³¹⁾ Потомъ авторъ распространяетъ періодъ 7-ми язвъ въ болѣе продолжительное время.

Новаго Израиля—христіанъ“. Для окончательнаго дополненія и довершенія этихъ судовъ Божіихъ и „назначаются оныя семь язвъ, которыя въ семь смыслѣ—суть дѣйствительно послѣднія, открывая за собою уже свободу Новаго Израиля отъ вѣковыхъ преобладаній, —внѣшняго и духовнаго. Это, значитъ—„пламень любви Божіей къ Православной Церкви, судомъ своимъ расточающей и потребляющей только рѣшительно упорныхъ враговъ“,—„внѣшняго и духовнаго Вавилона“, „а избранныхъ очищающей и приводящей къ спасительному торжеству православія“—„Новаго Израиля и Іерусалима“¹³²⁾.

„Только душамъ возвышающимся надъ симъ міромъ къ небесному жителству свойственно въ самой силѣ и истинѣ слышать гласы, раздающіеся въ Небесномъ Храмѣ“, приказывающіе ангеламъ излить фіалы гнѣва. „Мы можемъ слышать отголосокъ этого великаго гласа въ церковномъ словѣ избранныхъ Духомъ св. пастырей. Такъ еще въ 1814 г., духовно-громогласный проповѣдникъ церковный взывалъ о „гласѣ“ Господнемъ „въ крѣпости“. „По кончинѣ Имп. Александра Благословеннаго... [онъ] уже услышалъ и чадамъ Церкви возвѣстилъ“ неотвратимость великой ярости Господней на міръ христіанскій (въ III т. проп. М. М. Филарета стр. 177—179)¹³³⁾.

Время семи язвъ Бухаревъ относитъ, такимъ образомъ, къ современности, а точнѣе—эпоху пятой казни — надъ идолопоклонниками „звѣрообразнаго разума“ западнаго просвѣщенія, какъ мы видѣли уже—къ годамъ почти своей школьной жизни.

„Гласъ объ уготованіи пути царямъ Востока (предъ изліяніемъ шестого фіала гнѣва Божія) слышенъ былъ и слышенъ такъ Митрополиту Московскому было присылаемо отъ дознаннаго имъ по прозорливости своей челоуѣка—воззваніе къ покаянію, обращенное ко всему міру“¹³⁴⁾, хотя „безпечность духовная всюду болѣе и болѣе усиливалась... Господь не несвидѣтельствована Себя оставилъ и въ это время ду-

¹³²⁾ Ів. 56-я.

¹³³⁾ Ів. 58-я.

¹³⁴⁾ Ів. 59: „Слышано мною, примѣчаетъ авт рь, отъ О. Намѣстника Тр.-Сергіевой Лавры“ (Автоія)

ховнаго усыпленія: ибо въ сіе [то] время послѣдовало вышеупомянутое откровеніе одному рабу Божию о предстоящемъ было, и только ходатайствомъ Божіей Матери отвращенномъ послѣднемъ страшномъ судѣ“¹³⁵⁾. Седьмая казнь надъ ослѣпленными людьми не вызвала гибели міра только потому, что православіе поддерживалось отцемъ Петромъ: „Выше мы говорили, какъ Господь, имѣя въ православномъ христіанствѣ одного человѣка, могущаго поддержать порядокъ въ мірѣ чрезъ особенную, пріятую отъ Господа же, благодать,—не отпущалъ сего своего избраннаго изъ міра сего, чтобы только имѣть возможность продлить Свое долготерпѣніе“¹³⁶⁾.

Въ періодъ еще семи язвъ „отрочата вѣры“ школы о. Петра „возвышаются къ Небесному Храму“ православія, „предначиная симъ тайно для другихъ уже новую эпоху“ и представляя собою, слѣдовательно какъ бы „утреннюю зарю“ будущаго торжества русскаго православія¹³⁷⁾.

„...Цотолѣ, пока еще продолжается періодъ семи язвъ нельзя войти въ разверстный Храмъ небесный (XV, 6),—по причинѣ нѣкотораго разъединенія и боренія во внутреннемъ составѣ и жизни самой Православной Церкви. Это бореніе идетъ между направленіями Православія—съ одной стороны вѣщине-законнымъ и рабски-формальнымъ, болѣе и болѣе старѣющимъ и изживающимъ духъ живой вѣры, хотя могущимъ быть слѣпо-ревнивымъ до человѣконенавистническаго фанатизма, а съ другой—благодатно обновленнымъ направленіемъ дѣтски-свободной и живой вѣры, разумѣющей и исполняющей законы и правила самой благодати, вводящей послушныхъ въ свободу чадъ Божіихъ, а не какъ извѣстную форму законнаго письмени, подвергающаго самыхъ чадъ Новаго Завѣта рабству іудейскому. Вся тяжесть этого боренія во внутреннемъ составѣ и жизни Православной Церкви падаетъ на достигшихъ духовно-благодатной „зрѣлости или совершеннаго возраста Христова“. Они самоотверженіемъ вѣры и любви входятъ въ омертвеніе перваго направленія, чтобы въ мертвенныхъ искать и возбуждать пріемлемость къ обновленію духа вѣры, и раздѣляютъ дѣтскія немощи

¹³⁵⁾ Іб.

¹³⁶⁾ Іб. гетр. 60-я.

¹³⁷⁾ Іб. 59—60.

сихъ отрочать благодатно оживляемой вѣры. чтобы они, отрочата, болѣе и болѣе возрастали и укрѣплялись въ обновленной жизни во Христѣ. И такимъ образомъ происходитъ, что при всей силѣ и чрезвычайности проявленной благодати, вселиться и успокоиться во внутренности небеснаго храма—во всеоставляющей и умиряющей любви Божіей во Христѣ, невозможно и для самыхъ совершенныхъ во все время означеннаго боренія въ православно-церковномъ составѣ. Отрочата вѣры по дѣтской свободѣ только могутъ предназначать радость проникать внутрь святилища всеумиротворяющей любви Христовой. Когда же рога звѣрскаго фанатизма разрушаютъ Вавилонъ и внѣшней и духовной Турціи, держащей Христіанство Православное въ двойномъ плѣну,—вмѣстѣ съ этимъ распадется и погибнетъ (все то) что во внѣшней-формальномъ направленіи Православія окажется рѣшительно-омертвѣлымъ, упорствующимъ въ рабствѣ, лицемѣрїи, фанатизмѣ новаго іудейства, только облеченномъ въ форму христіанства; а прочее изъ сего направленія изведется крестнымъ путемъ къ оживленію и такимъ образомъ соединится съ направленіемъ обновленной и живой вѣры подъ руководствомъ достигающихъ зрѣлаго возраста Христова: произойдетъ—что и малыи и величїи воззовутся благодатию уже къ совокупному согласному восцѣванію славы Божіей“¹³⁸⁾.

Послѣ „семи язвъ“ Ангель приглашаетъ Тайнозрителя созерцать „судъ надъ блудницею Вавилономъ турецкаго преобладанія“. Черезъ это „наша вѣра поставляется на истинную точку зрѣнїя, съ которой должно смотрѣть на дѣло православія съ Турціею и прелюбодѣйными ея союзниками,—съ которой судъ надъ блудницею Вавилономъ вводитъ и насъ самихъ въ судъ, не находимся ли въ духовномъ съ сею блудницею союзѣ, не пьемъ ли иногда духовное вино ея блудодѣянїя“, а разсудить это—значитъ раскрыть „тайну Вавилона“ и доступно только уму, „имѣющему мудрость“¹³⁹⁾. „Здѣ“—въ самомъ ожесточенномъ „внутреннемъ плѣну“ въ какомъ находится православїя—умъ и яснота матеръ мудрость пребываетъ не по нечистотѣ, свойствен-

¹³⁸⁾ Ib. 68-я.

¹³⁹⁾ Ib. 60-я.

ной безумію а не мудрости, но для исхищенія кого можно изъ этой бездны Вавилонскихъ сквернь плотскаго сластолюбія или духовнаго прелюбодѣянія отступнической измѣны жениху всѣхъ душъ человѣческихъ—Христу“¹⁴⁰⁾.

Что въ борьбѣ съ плотоугоднымъ сластолюбивымъ духомъ Ислама долженъ открыться судъ надъ Вавилономъ, „мы можемъ въ настоящемъ случаѣ, говоритъ А. М., опереться на свидѣтельствахъ духовно-востязующихъ вся мужей; такъ тотъ великій старецъ іерей Петръ, о которомъ выше уже говорили мы, одному человѣку, просившему благословенія его на поступленіе въ монашество, но таившему въ сердцѣ пристрастіе къ утучненію плоти и сластолюбію, обличивъ съ кротостію эту тайну его сердца, замѣтилъ ему: „да гдѣ же это можетъ быть? Развѣ въ Персіи, либо въ Турціи“, т. е. духъ плотоугодія свойственъ не христіанству и тѣмъ паче не монашеству православному, а развѣ магометанству, господствующему въ Турціи и Персіи.

Другой также духовный и отчасти юродствующій старецъ по поводу современныхъ обстоятельствъ на Востокѣ, бесѣдуя съ однимъ отрокомъ-ученикомъ о Магометѣ, съ забавною для стороннихъ горячностію дѣтскаго возраста утверждалъ, что „Магометъ—духъ“, т. е. въ сужденіи о нашей борьбѣ съ Турціею и магометанствомъ не должно останавливать мысли только на внѣшней политической сторонѣ сей борьбы, но имѣть въ виду самый духъ Ислама, плотоугодный и сластолюбивый, иначе, ратуя и ревнуя за Православіе противъ Магомета, но допуская въ сердце и жизнь духъ плотоугодія и сластолюбія, будемъ дѣлаться, въ сущности дѣла, переметчиками отъ православія, или Христа на сторону Магомета, вмѣстѣ съ Французами и Англичанами¹⁴¹⁾.

Не таково истинно-православное монашество, какъ оно раскроется во всей силѣ по освобожденіи Русской Церкви отъ плѣна: „поелику обрученіе Христу свойственно душамъ христіанскимъ особенно въ монашествѣ: то бракъ Агнца и уготованіе Его невѣсты или жены знаменуетъ... прекрасное

¹⁴⁰⁾ Ib. 61-я.

¹⁴¹⁾ Ib. 69-я. Отчасти юродствующій старецъ—А. М-чъ.—См. „О соврем. духовн. потребн.“ стр. 76. Здѣсь же указано, что для автора юродивыя свѣдѣнія иногда покровт юродства,—рѣчь, конечно объ о. Петрѣ.

возрожденіе и преспѣваніе православнаго монашества благодатію Христовою, во образъ непорочнаго дѣвства Пресвятыя Богородицы. Такъ, Старець Серафимъ и предрекаль въ отношеніи къ Дивѣвской обители духовное процвѣтаніе, подобно Кіево-Печерской Лаврѣ. Такъ Старець же Божій Петръ внушаетъ дѣвственницамъ, живущимъ уже съ обновленнымъ духомъ вѣры, чтобы онѣ „приготовляли приданое для жениховъ“, а женихами „представляетъ монаховъ и руководителей монашества, возбуждаемыхъ также къ обновленію и оживленію духа вѣры. Видно, что Старець прозираетъ въ будущемъ, и по отношенію къ монашеству, бракъ Агнчій и уготованіе Ею жены.—Оправданія Святыхъ представляются брачнымъ облаченіемъ жены, заранѣе для нея уготованнымъ, но только теперь открыто на ней являющимся. По соображенію съ вышесказаннымъ, это значить, что благодатное направленіе оживляемой вѣры и сыновне-свободной Божіей правды которое еще въ періодъ семи язвъ, подъ блюденіемъ Богоматери, святыми Божіими уже возбуждалось и воспитывалось и которое должно быть особенно свойственно монашеству,—наконецъ откроется какъ свѣтлое облаченіе Самой Богоматери, какъ брачное чистое украшеніе для Церкви, благопотребное и для возстановленія Востока ¹⁴²⁾.

О. Петръ не только руководитель школы и монашествующихъ, онъ—всемирный благочинный съ умомъ, имѣющимъ мудрость для раскрытія тайны на челѣ звѣря бездны; онъ участвуетъ во всевысочайшемъ дѣлѣ освобожденія узниковъ отъ двойнаго плѣна и суда надъ любодѣйцею Вавилономъ.

Авторъ яркими красками изображаетъ гибельность двойнаго плѣна блудницы Вавилона, господствующей надъ всею областію православія:

„Не скоро и просто мыслию исчерпаешь глубину зла, какое сдѣлалъ этотъ окаянный Вавилонъ Христіанству. Царственное священство, каково должно быть Христіанство по истинному духу и силѣ своей, и слѣдовательно именно православное христіанство,—было или во внѣшнемъ такомъ рабщеніи, что поставленіе и смѣна самыхъ даже высшихъ

¹⁴²⁾ Ib. 67-я.

іерарховъ зависѣли отъ невѣрныхъ, и православные въ собственной своей землѣ нѣсколько вѣковъ являются плѣнниками,—или во внутреннемъ плѣненіи своего большинства, такъ что въ наибольшей части христіанъ явилось какое то новое, мірское по духу, Христіанство (какъ о семъ въ одномъ мѣстѣ своихъ словъ говоритъ Митрополитъ Московскій Филаретъ) оковавшее или убившее живой духъ вѣры, вмѣстѣ благодатной свободы духа, рабствующее похотямъ плоту-угодія, или само себя заключившее въ узы мертвой формальности или только чисто-внѣшней законности. И такимъ образомъ родъ и новаго Адама, получившій отъ своего Божественнаго Главы правду и силу жизни, во вѣки не умирающей, является въ наибольшей части мертвѣющимъ духовно, такъ что и самый остатокъ живущихъ и сильныхъ Христовою жизнію чрезъ самоотверженіе вѣры и любви несутъ во Христѣ мертвость своихъ сочленовъ; вѣра побѣднѣшая міръ, или видимо или невидимо превозмогалась міромъ и сокровища благодати становились болѣе или менѣе чѣмъ то внѣшнимъ, или сокровеннымъ для наибольшей части самыхъ своихъ обладателей. Посему новый вѣчный по своему существу, Завѣтъ оказывался, въ отношеніи къ духу и сердцамъ своихъ чадъ, уже какъ бы ветшающимъ. Православная Христова Церковь, которую возлюбилъ Единородный Сынъ Божій—Богъ—Слово до вочеловѣченія, до смерти въ плоти, да представить ю Себѣ славу Церковь, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ,—или по внѣшнему своему положенію рабства, простирающагося притомъ и на внутренній, и притомъ высшій церковный чинъ—на прѣмство іерарховъ, или по внутреннему состоянію большинства своихъ чадъ,—скорѣе могла поразить духовное наблюденіе рубищами и ранами, нежели царственной одеждою и неукоризненною предъ Богомъ мірскою славою невѣсты Христовой. И узы внѣшней неволи для однихъ, или внѣшне-законныхъ, но духовно-безжизненныхъ формъ для другихъ—скрѣплялись на рукахъ и ногахъ Православной Церкви, первое во имя общепризнаемаго права народнаго, равновѣсія Европы и т. п., другіе буквою законою, авторитетами, требованіями самого порядка. Не забудемъ при семъ и объ остаткѣ держащихся духа вѣры во Христа—въ иныхъ исповѣданіяхъ,—

объ этомъ остаткѣ сѣмени жены—Православной Церкви, но удаленныхъ отъ своей матери и, вмѣсто ея надзора и руководства, слѣдимыхъ или зміемъ древнимъ, или звѣрями: а между тѣмъ отчужденіе отъ Православной Церкви сихъ разсѣянныхъ и израненныхъ овецъ Христовыхъ, въ силу Вавилонскаго порядка вещей, оказывается какъ будто уже законнымъ и увѣковѣченнымъ навсегда“¹⁴³⁾.

Но уже можно замѣтить начало суда надъ великою любодѣйцею; уже слышенъ гласъ призывающей людей Божіихъ покинуть Вавилонъ.

„Сущность и сила суда надъ любодѣйнымъ Вавилономъ и поддерживающимъ эту блудницу звѣремъ [лжеименнаго разума] съ его властительными надъ открытыми для того душами, способами и орудіями въ видѣніи представляются бранью и побѣдою Агнца“:¹⁴³⁾ „Въ борьбѣ съ тлетворнымъ духомъ Ислама Господь Иисусъ благоволитъ проявлять въ Православно-Россійскомъ народѣ побѣдносую надъ духомъ магометанства благодать такимъ образомъ: не только слова и дѣла со стороны православной Россіи должны быть запечатлѣны характеромъ истины, кротости, долготерпѣнія, человеколюбія, въ духѣ Христовомъ; Христосъ, видно, благоволитъ Своею благодатію снизойти въ сей державѣ до крайняго истощанія, или ввести оную до внутреннѣйшаго общенія Своихъ страстей и смерти духовными ли то подвигами вѣры, или терпѣніемъ смертельныхъ опасностей и скорбей. Черезъ сіе то и должно совершиться очищеніе самыхъ православныхъ отъ оскверненія растлѣнныхъ духомъ, свойственнымъ магометанству, а потомъ предположеніе и привлеченіе жизни православія избранныхъ изъ самыхъ поборниковъ Ислама“¹⁴⁴⁾. Такъ совершится побѣда надъ рогами звѣря и духовное открытіе Агнца, какъ Царя благодати.

Далѣе авторъ дѣлаетъ замѣчаніе на текстъ: И имать на ризѣхъ и на стегнѣхъ своемъ имя написано: Царь царемъ и Господь господемъ. Такъ какъ Христосъ—Царь благодати и мира—„въ такой силѣ является или созерцается именно по отношенію къ Россіи (т. е. поколику Онъ въ Россіи имѣетъ вообразиться или открытыя духовно): то

143) „Иаслѣд. А-са“, стр. 598.

144) „Первоизд. тетр.“ 73-я.

видно, что хотя православно-русская держава кровавымъ образомъ постраждетъ отъ вражескаго нашествія и сама успѣетъ силою ярости Господней попрасть своихъ враговъ, какъ это было въ 1812 году, но черезъ нее, какъ было и въ оную эпоху, дарована будетъ міру полнота Христова мира и успокоенія всемірнаго, не воспитаемаго никакою властію и силою вражды и злобы. Ибо Царь милующей благодати и мира, Который проявится такимъ черезъ Россію есть Царь-царемъ и Господь господемъ“.

Объ очищеніи испытаніями есть еще одно указаніе автора, въ которомъ онъ ссылается на авторитетъ о. Петра.

„Великій о Господѣ старецъ іерей Петръ, вышеупомянутый, не просто на словахъ, но и письменами выражалъ, что съ 185^{5/9}—1862(4) г. совершатся въ духѣ и силѣ событія годовъ —1805(9)—1812, и притомъ вмѣстѣ съ революціонными или мятежническими движеніями къ концу сего девятилѣтія. Прямымъ вступленіемъ въ сіе великое девятилѣтіе служить начало у насъ новаго царствованія, царствованія такого царя, который не обинуясь, предъ Европой говорилъ: „Я буду твердо держаться тѣхъ политическихъ началъ, которыя служили правиломъ для моего дядя (Александра I-го) и для моего Родителя. Сія начала суть начала священнаго союза; но если этотъ союзъ не существуетъ, то, конечно, не по винѣ Моего Родителя... Подобно Ему и Я желаю мира и хочу видѣть окончанія бѣдствій войны. Но если конференціи, открывшіяся въ Вѣнѣ, не достигнутъ результата, почетнаго для насъ, тогда... во главѣ вѣрной Моей Россіи Я буду биться вмѣстѣ со всею націею и скорѣе погибну, чѣмъ уступлю“ (въ рѣчи, сказанной Дипломатическому Корпусу). Нынѣшняя брань,—такъ всенародно внушаетъ православнымъ и высшее пастьреначальство нашей Церкви (Воззваніе Св. Синода къ чадамъ Православной Церкви по случаю Государств. ополченія),—есть древняя брань противящагося царству Христову князя тьмы, иже дѣйствуетъ нынѣ въ сынахъ противленія. Присовокупимъ къ сему и слѣдующую мысль изъ Откровенія: Господь даетъ усилиться врагамъ только дотолѣ, дондеже скончаются глаголы Божіи объ очищеніи нашемъ, о воображеніи въ насъ самого Агнца Божія—Христа“¹⁴⁵⁾.

¹⁴⁵⁾ Ib. 63—64-я.

Мало того „остатки или начатки истиннаго Божія Израиля, жительствующаго по правилу быть во Христвъ новою тварію и такимъ образомъ выдерживать православіе въ самомъ духѣ и силѣ, а не по внѣшне-законной формѣ, чрезъ исполненіе Христова закона носить тяготы другъ друга и особенно немощныхъ и болящихъ духомъ,—уже и начали воздавать Вавилону это сугубое воздаяніе за претерпѣяное отъ него христіанствомъ всегубительное зло. Ибо подѣ духовнымъ водителествомъ и блюденіемъ такихъ могущественныхъ вождей, каковъ упоминаемый уже неоднократно нами Всемирный Благочинный—Отецъ Петръ, они не только охраняютъ и избѣгаютъ отъ развращающаго вліянія господствующаго порядка вещей, но и изъ самой глубины сей земной бездны исхищаютъ плѣнниковъ вавилонскихъ и изводятъ въ духовную свободу благодатной жизни. Но совершенное воздаяніе Вавилону исполнится и откроется еще впоследствии, равно какъ впоследствии осуществится и раскроется и внѣшнее всегубительство въ Вавилонѣ внѣшняго и духовнаго преобладанія надъ христіанствомъ — Восточно-православнымъ“¹⁴⁶⁾.

О. Петръ показываетъ близость и совершеннаго воздаянія Вавилону, того „всевысочайшаго дѣла“, участникомъ котораго является и онъ самъ со всѣми небожителями и святыми.

„...выше уже былъ у насъ не одинъ случай упомянуть, какъ одинъ изъ небесныхъ челоѣкъ (т. е. изъ такихъ....., которые входятъ въ самую силу благодатнаго Христова Царства и потому принимаютъ и къ тайнамъ самаго Царства славы), подлинно присутствовалъ въ духовномъ восхищеніи... при томъ горнемъ судѣ святыхъ, на которомъ только Богоматерь гласно предстательствовала за нынѣшній міръ, угрожаемый послѣднимъ судомъ, а св. Ангелы съ Апостолами, Пророками и всѣми святыми только безмолвіемъ подтверждали.... судъ Богоматерняго милосердія къ гибнущему міру. Такъ еще, неоднократно же помянутый выше, о. Петръ сказалъ однажды, относительно современныхъ обстоятельствъ, кому-то изъ прибывшихъ къ нему: „ты поспѣлъ ко времени, ко „Всевысочайшему дѣлу“,—это значитъ, что „Всевысочайшее дѣло“—дѣло, очевидно, нѣкотораго высшаго суда Бо-

¹⁴⁶⁾ Ib. 66-я.

жія, точно какъ бы и производилось въ духовномъ соприсутствіи и соучастіи сего избраннаго Божія и новопривышему къ нему человѣку присуждалось, или опредѣлялось что нибудь при семъ „Всевысочайшемъ дѣлѣ“... Не обинуясь прямо свидѣтельству, что означенныя слова были сказаны старцемъ Божиимъ именно мнѣ, когда со мною были нѣкоторыя тетради по истолкованію Апокалипсиса. Тогда же старецъ говорилъ со мною (хотя его и не спрашивалъ я) объ умѣ и мѣющемъ мудрость совершенныхъ, символически указывалъ Агнца Божія....., возглашалъ нѣсколько разъ: Аллилуіа. А все это упоминается въ Апокалипсическомъ изображеніи суда Божія надъ Вавилономъ. Отсюда видно, что и „Всевысочайшее дѣло“, о которомъ говорилъ Старецъ, какъ бы производимомъ въ его соприсутствіи и соучастіи, есть не что иное, какъ тотъ судъ, о которомъ говорится въ разсматриваемомъ мѣстѣ [Апок. XIX гл.]. Итакъ мы живемъ теперь во время такого дивнаго суда Христовой благодати, спасающей Церковь и низлагающей ея враговъ, въ которомъ принимаютъ благодатное соучастіе всѣ прославленные небожители и небесные на землѣ человѣки; который и совершается, по мановенію Вседержителя, въ самыхъ событіяхъ. На семъ судѣ производится „Всевысочайшее дѣло“ объ освобожденіи Христовой Невѣсты—Православной Церкви, находящейся—то подъ внѣшнимъ, то подъ духовнымъ преобладаніемъ—блудницы Вавилона“¹⁴⁷⁾.

„Брань роговъ звѣря бездны противъ Агнца началась уже, по мысли автора, войною 1854—5 годовъ, открытой Турціей по понужденію союзниковъ ея, а со стороны Россіи вызвала твердую рѣшимость не выдавать дѣла православія“¹⁴⁸⁾. Какъ война противъ Вавилонскаго преобладанія, она должна вестись главнымъ образомъ духовными способами и борцами. Чтобы ближе была къ нашей мысли и чувству радостная чрезвычайность [будущаго] „торжества Православія, вспомнимъ изъ преждеговореннаго не только о старцѣ Серафимѣ, тѣснимомъ отъ властей монастырскихъ за духовное руководство другихъ, но и особенно объ Іереѣ Іоаннѣ¹⁴⁹⁾, бывшемъ жертвою гоненія отъ формалистовъ

¹⁴⁷⁾ Ib. 66 и 67-я.

¹⁴⁸⁾ Ib. 63-я.

¹⁴⁹⁾ Ib. 69-я. Извѣстный, по словамъ А. С. Бухаревой, въ Казани.

Православія, о монахѣ Митрофанѣ или Алексіѣ, изгнанномъ изъ монастыря и даже по смерти преслѣдованномъ такими же ревнителями Православія, и внѣшней законности, объ Герей Петрѣ, свѣтѣщемъ во Христѣ міру, но подъ покровомъ наружнаго безумія судя по настоящему времени и порядку вещей (писано въ седмицу Пасхи 1855 г.) кажется почти несбыточною мечтою, чтобы когда нибудь міръ, хотя бы православно-Христіанскій, воздалъ должную справедливость симъ поправнымъ отъ него, избаннымъ Божиимъ, каковъ владѣвшій небесною тростию для духовнаго измѣренія Церкви, Герей Іоаннь, или стоявшій за Христіанскій міръ какъ бы, по выраженію Псаломскому „въ проломѣ стѣны“, Христа — ради юродивый Митрофанъ, или все — духовно умиротворяющій и облагоустроивающій— „Всемирный Благочинный—Герей Петръ“...

„Зато, когда это богатое значеніе заслуги избранныхъ Божіихъ, по паденій Турціи и отяготѣвшаго на насъ растлѣнно мірскаго порядка вещей, откроется и провозгласится предъ всѣми возбужденными къ живой вѣрѣ—православными, предъ всѣми послушно внемлющими призыванію благодати—войти въ живое единеніе вѣры—Православія; то что будетъ эта неожиданная теперь, чрезвычайность, если не гласъ, яко народа многа, и водъ многихъ и громовъ крѣпкихъ, глаголющихъ: аллилуіа: яко воцарися Господь Богъ Вседержитель? Ибо для истиннаго дознанія глубоко погребенной славы избранныхъ и сильныхъ въ Богѣ ратоборцевъ вѣры православной, необходимо, чтобы въ духѣ и жизни самаго большинства Христіанъ Православіе было не внѣшнею формою, а основнымъ и живымъ началомъ для всего, чтобы ледяная гора, такъ названнаго Архипастыремъ Московскимъ, „мірскаго Христіанства“—разстаяла, и на мѣсто сего въ православной вѣрѣ открылся для православныхъ, а чрезъ нихъ и для призываемыхъ къ православію, небесный животворный рай Христовой истины и бла-

Вѣроятно это—о. Іоаннь Паленинъ, ходатай за крѣпостныхъ, подвижникъ и безсребренникъ, знатокъ свящ. Писанія и святоотеческихъ твореній. Своимъ рѣшеніемъ догматическихъ вопросовъ удивлялъ лицъ даже съ академическимъ образованіемъ. Съ 1851 г. по 1872 служилъ въ с. Макуловѣ, Свяжскаго у., но бывалъ и въ Казани. См. о немъ въ „Жизнеоп. отецъ подвижн. 18 и 19 стол.“, мѣсяцъ октябрь, стр. 805—819.

годати; тогда-то и окажется, что тутъ къ сему раю уже уготованъ былъ во Христѣ тѣмн, ихже не бѣ достоинъ весь міръ, но хоторые были и остаются доселѣ отребіемъ для міра“.

„Мы приводили примѣры душъ, говоритъ авторъ далѣе, самымъ дѣломъ проходившихъ или проходящихъ великое поприще этой пламенѣющей ревностію Божіею любви къ ближнимъ. Напомянемъ здѣсь особенно одного, Іерея Божія Петра, который съ того времени, какъ великій проповѣдникъ указалъ въ своемъ словѣ на оный чрезвычайный подвигъ и совершенство Христіанской любви и ревности, началъ самое дѣло этой, съ избыткомъ растворенной любовію, ревности готовой и стремящейся раздѣлить даже адскую участь сію для нихъ и своею опасностію исхитить ихъ отъ опасности“¹⁵⁰⁾. Но „Вмѣсто того, чтобы многословить или пустословить о семъ, приведу два примѣра душъ, явно предопутившихъ и предначинавшихъ изображаемое въ разсматриваемомъ мѣстѣ торжество вѣры. Одна вышеупомянутая подъ названіемъ странницы (свѣдѣнія о ней взяты изъ статьи Ѳ. Глинки) съ восторгомъ говорила о сторонѣ благодатнаго небеснаго жительства, когда она называла другихъ, приточно называя себя свахою: „Хорошо на нашей сторонѣ! Отецъ Сына женить!“ Это почти буквально соотвѣтствуетъ словамъ Апокалипсиса въ разсматриваемомъ мѣстѣ: пріиде бракъ Агнчій и жена Его уготовила естъ себе.

„Другая подобная Христіанка не просто по формѣ, а по духу и истинѣ, и именно та, которая, какъ выше уже говорили мы, загадочно называла себя внукою Преп. Сергія, стоя на всеошномъ бдѣніи въ Свято-Троицкой Его Лаврѣ, когда пѣли: Хвалите имя Господне: Аллилуіа,—въ движеніи духовнаго восторга не могла удержаться отъ живого дѣтскаго смѣха, напрасно стараясь скрыть его. И когда замѣтила это стоявшая около нея женщина, близкая къ ней по духу (отъ этой послѣдней и слышалъ я), и спросила ее о причинѣ такого поступка,—первая отвѣчала только: „отъ радости! Больно весело!“ и по выходѣ изъ Церкви много говорила той же женщинѣ о современныхъ затрудненіяхъ

¹⁵⁰⁾ „Первоп. ред.“, тетр. 75-я.

вѣры со стороны внѣшней и духовной, совершенно согласно съ Апокалипсисомъ“¹⁵¹⁾.

IV.—Отецъ Петръ—православно-русскій мудрецъ и его значеніе въ творествѣ Бухарева.

Отецъ Петръ былъ для Бухарева образомъ православнаго мудреца, человѣкомъ съ умомъ, имѣющимъ мудрость. Мы знаемъ уже, какъ въ своей школѣ училъ юродивый старецъ. Поэтому невозможно думать, что „изслѣдованія Апокалипсиса“ нашего автора были просто записью лекцій учителя. О. Петръ только научилъ о. Феодора, какъ испытывать духовъ или духовныхъ, въ особенности чрезвычайныя настроенія людей, а вмѣстѣ съ этимъ Исслѣдователю Апокалипсиса открылась идея Церкви въ новомъ свѣтѣ, въ духовно-живомъ ея значеніи. Православное знаніе или мудрствованіе вѣдъ неразрывно связано съ духовнымъ состояніемъ вѣрующаго и находится въ зависимости отъ мѣры вѣры и исполненія Христова, такъ что углубленіе ея осознаніе тайны домостроительства необходимо вводитъ вѣрующаго въ Церковь, какъ опредѣленнаго по назначенію и степени развитія члена тѣла Христова. Само собою разумѣется, что есть не только мудрствованіе во Христвѣ, но и мудрованіе грѣховное, кромѣ того и то и другое представляютъ градацию, а различныя степени этой лѣстницы къ небу представляются не только отдѣльными лицами православной Церкви, но и цѣлыми народами.

„Развитіе русской мысли и доброе, плодотворное направленіе русской жизни о. Петръ представлялъ дѣломъ школы, въ которой Русинъ (Русскій) есть только одинъ изъ учениковъ, въ которой учатъ и Богословію и Философію, въ которой несправныхъ и нерадивыхъ учениковъ сѣкутъ больно пагубными бѣдствіями, разстройствомъ и порчею общественною и т. п.). Мало того, подчеркиваетъ Бухаревъ, при особенно сильныхъ движеніяхъ духовныхъ, при углубленіи въ духовное состояніе и потребности нашей современности, старецъ представлялъ два великія начала,—начало знанія и образованія и, произникающее изъ должнаго разви-

¹⁵¹⁾ Ив., тетр. 67-я.

тія этого начала, начало просвѣщенной вѣры, раскрывающей-ся именно и въ гражданствѣ и въ свѣтской мысли,—подъ образомъ и именами Екатерины II-ой, Павла I-го, царствовавшихъ еще во время его дѣтства и юности. Также и иныхъ изъ духовенства онъ спрашивалъ: „живъ ли Платонъ?“ давая внимательнымъ и разсуждающимъ замѣтить, что онъ разумѣлъ то доброе и живое, благодушное направленіе духовенства, котораго такимъ свѣтлымъ представителемъ былъ блаженной памяти Платонъ, Митрополитъ Московскій. Подобнымъ образомъ, именами родныхъ и знаемыхъ этого перваго періода своей жизни о. Петръ называлъ и ихъ дѣтей, слѣдя въ послѣднихъ развитіе или остановку того добра, которое онъ узналъ въ первыхъ“ ¹⁵²⁾.

Эти слова старца о двухъ началахъ знанія указываетъ новый факторъ развитія знанія и вѣры,—руководство болѣе опытныхъ членовъ Церкви надъ менѣе совершенными вѣрующими. Но самый способъ усвоенія послѣдними истины остается тотъ же,—путь подвига самопожертвованія. Имъ исключительно пріобрѣтается умъ имѣющій мудрость. Для людей, коснѣющихъ въ духовно-языческомъ и духовно-іудейскомъ направленіяхъ такой дивный руководитель, какъ о. Петръ, представитель ума имѣющаго мудрость, всемірный благочинный—дѣйствительно является „благодатныхъ свѣтильникомъ“, возженнымъ „для освѣщенія пути мрака и смерти“. Иначе сказать, это „Моисей—вождь новаго Израиля изъ разнообразнаго порабоженія или Ездра (въ 3-ей кн. его имени), который одинъ за всѣхъ проторгся изъ мрака Вавилонскаго въ свѣтъ чрезвычайныхъ благодатныхъ откровеній, потребныхъ для обновленія Израиля и теократическаго его устройства“ ¹⁵³⁾.

Отецъ Петръ—всемірный благочинный, говоритъ Бухаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

... Мысль и духъ о. Петра, занятые Христомъ, вседержавнымъ—основаніемъ всего міра, никогда потому не теряли изъ вида всеобщаго міроваго, или общечеловѣческаго дѣла или блага. Въ этомъ отношеніи о. Петръ такъ характеризо-

¹⁵²⁾ „Воспом.“ Б—ва, стр. 23-я.

¹⁵³⁾ Тетр. 62-я.

валъ себя и свое дѣло предъ духовно-разсуждающими: „я (т. е., не самъ по себѣ я, но насколько я некому себѣ живу, а живетъ во мнѣ Христось, или Христово, „Я“, стоящее за „я“ брэннаго и грѣшнаго человѣка)—всемирный и благочинный (всемирный, т. е., не просто всемирный, но все въ мѣрѣ умиряющей и благоустроющей)! Другими словами: Богочеловѣческое Христово „Я“, источающее отъ себя людямъ все доброе и истинное, еще же и понесшее на себѣ грѣхи мѣра—вину всего худаго и дннваго въ людяхъ, если мы будемъ входить въ Его общеніе и въ человѣколюбивый Его Духъ, благоустроить и умирить весь мѣръ,—чему во Христвѣ или силою Христовою и служилъ о. Петръ. Служилъ онъ этому великому дѣлу именно тѣмъ, что онъ не только себѣ усвоилъ Христа, какъ Ходатая предъ Отцемъ и Спасителя всѣхъ людей во всемъ, но и дѣло всякаго, кому онъ духовно соучаствовалъ, бралъ въ отношеніи ко Христу, какъ Ходатаю и Спасителю, также не этого только человѣка по его дѣлу, но и всѣхъ по всему. Такимъ образомъ все углублялось у него до самаго корня—общечеловѣческаго блага, и разные посѣтители его, приходившіе къ старцу каждый по своему дѣлу, служили духовному развитію единой его объединяющей всѣхъ Христонской мысли, какъ выше было говорено мною съ опытнаго дознанія. Онъ чаялъ, и предъ духовно-разсуждающими, понятно для нихъ выражалъ, что русскіе дойдутъ, или, по его выраженію, „дойдутъ до свѣта“, подъ которымъ онъ давалъ понимать жизненный свѣтъ—какъ знанія и мысли объ всемъ по Христу; такъ знанія и мысли о Самомъ Христвѣ въ живомъ его значеніи—начала для всего. Онъ видѣлъ уже духомъ своимъ и начатки или утреннюю зарю этого свѣта; но однажды на мое нетерпѣніе поскорѣ видѣть полный свѣтъ, отвѣтилъ словомъ, дававшимъ разумѣть, что и въ духовно-нравственномъ мѣрѣ есть такая же неизбѣжная послѣдовательность, какъ въ мѣрѣ физическомъ: „есть зоря утренняя, говорилъ онъ мнѣ, есть и вечерняя, потомъ ночь, потомъ полночь, тогда и кончится апокалипсическое к с и“ (это одна, именно средняя, изъ буквъ въ Апокалипсисѣ, звѣринаго числа;—о. Петръ, направляя или исправляя мою мысль по ученому дѣлу изслѣдованія Апокалипсиса, употреблялъ иногда апокалипсическіе образы). И когда я

однажды со слезами умолялъ Божьяго старца помочь молитвами скорѣе выпутаться русской мысли и духу изъ темныхъ направленій; онъ прямо внушалъ, что остановки Божьяго дѣла быть не можетъ, но и произвола человѣческаго нечѣмъ остановить: ничѣмъ не помочь, говорилъ онъ, надо молиться Богу, а все хорошо!“ По отношенію къ православному Востоку о. Петръ давалъ разумѣть, что тайна освобожденія его зависитъ именно отъ освѣщенія свѣтомъ Христовымъ земнаго, гражданскаго и политическаго безъ чего и политическая свобода не была бы истиннымъ благомъ для Востока. По отношенію къ неправославному западу онъ указывалъ на такое же, въ духѣ и внутренней силѣ дѣла, недоброжелательство и опасности собственно отъ неправомыслія и духа западнаго для православной Россіи; какъ было еще во время Наполеона I-го, но въ то же время указывалъ на наши невѣрности духу православія и на начавшееся движеніе къ нему самаго западнаго духа. Онъ разнообразно наводилъ внимательную къ нему мысль на то, что православно-русскому духу надо духовно подкапываться, въ интересъ своего и всеобщаго міра, подъ самыя основы и внутреннюю силу западнаго неправомыслія, противопоставляя папскому главенству дѣйствующее главенство самого Христа надъ всѣми у насъ и въ насъ, а протестантской рациональности—раскрытіе всеобъемлющей истины Христовой. О. Петръ свидѣтельствовалъ, что уже во всемъ мірѣ, только пока еще безсознательно съ его стороны, идетъ обновительное для него движеніе духовное, какъ бы новое духовное твореніе; это выражалъ о. Петръ, приводя въ примѣненіе къ нашей современности изъ книги Бытія первыя слова... (Быт. I, 12). Носится же надъ бездною міра обновительно для него и безпрепятственно отъ его растлѣнности заблужденій и безсознательности, по указанію о. Петра свойственно именно благодатному духу Ильиной ревности о Богѣ и правдѣ и—противъ нечестія и неправды, — духу, но уже не по ветхозавѣтному, сожигающему и закалающему виноватыхъ, но по новозавѣтному на себѣ пережигающему и чужія вины,—духу пламенѣющему любовью къ грѣшному міру самозакланнаго за его грѣхи Агнца Божія: „Илія пророкъ носится надъ бездною землею“, говорилъ о. Петръ, одушевляясь самъ новозавѣтнымъ Ильинымъ духомъ Христовой!

человѣколюбивой ревности“¹⁵⁴). Процессъ воспитанія и развитія знанія одинаковъ значитъ какъ для каждаго человѣка въ отдѣльности, такъ и для цѣлаго народа, для мужчины и для женщины:

„По милуду мя Боже“, взывалъ иногда о. Петръ, входя въ духъ Давидова покаянія при „исправленіи дѣтскихъ дѣлъ“, которое для него было исправленіемъ самого себя, очищеніемъ собственныхъ грѣховъ. И обновленія, воспитанія и сохраненія до зрѣлости въ своихъ дѣтяхъ Христова духа онъ чаялъ и молилъ особенно отъ благодати Пресвятой Богородицы, единой родившей и возрастившей міру Христа Бога. Онъ многообразно выражалъ, что этому духовно-обновительному и воспитательному во Христѣ воздѣйствію и раскрытію въ мірѣ благодати Богоматери-Дѣвы должна послужить именно женщина, названная еще первымъ обѣтованіемъ о Богочеловѣкѣ Христѣ—въ образъ Его матери (Быт. III. 15). Впрочемъ духовному разсужденію о. Петръ давалъ разумѣть, что въ этомъ отношеніи нѣтъ мѣста ничему мечтательно-мистическому. Дѣло только въ томъ, что женщиной, съ свойственною ей особенно сердечностію, принадлежитъ по отношенію ко Христу, или къ существу и силѣ Его благодати и истины, полная, но своеобразная равноправность вѣры съ мужчиною, съ свойственною ему особенно разсудочностію, и поэтому въ то время, когда въ мірѣ совершается пока безотчетное для большинства духовное движеніе къ живому свѣту Христову и когда, слѣдовательно, духовная разсудочность мужчины еще младенчествуетъ, свойственно именно женщиной, съ своею сердечностію, послужить оживленію и укрѣпленію въ самомъ мужчинѣ лучшихъ или благодатныхъ духовныхъ инстинктовъ. И Матери Божіей, какъ первообразу женщины во всемъ лучшемъ благодатномъ, свойственно, и, можно сказать, естественно быть, по своей благодати, избранною воеводою своего пола по дѣлу обновленія и воспитанія въ насъ духа Сына Своего. Не вся ли здѣсь проста разумѣвающимъ?—задаетъ вопросъ Бухаревъ и продолжаетъ далѣе: „Въ видимое ознаменованіе всего этого, по благословенію и руководящей мысли о. Петра, въ послѣдніе годы

¹⁵⁴) „Воспом.“, стр. 39--42.

его жизни воздвигнуть при г. Рыбинскѣ женскій монастырь посвященный Премудрости Божіей, празднованіе которой совершается именно въ Богородичный праздникъ—въ день успенія Богоматери: это монастырь „Софійскій“. Здѣсь онъ передъ самою своею кончиною завѣщалъ и похоронить себя. И знаете ли, съ какою мыслью, съ какимъ смиренномудріемъ и духовнымъ самопожертвованіемъ любви? Онъ, еще довольно задолго до смерти, въ сильномъ движеніи духа выражалъ въ день св. Пророка Іліи, что переводя Іліину ревность въ Христовъ новозавѣтный духъ, надо ему дойти до того, чтобы при смерти своей видѣть другихъ людей уже духовно-живыми, хотя бы только по младенчески, и самому умереть въ такомъ самосознаніи и настроеніи любви къ нимъ, какъ бы они извергли его подобно „умету [Бухаревъ выражается сильнѣе, но оговаривается, что еще все-таки смягчилъ выраженіе о. Петра] „сами оставаясь жить во Христвѣ. Не за долго до смерти онъ уже спокойно выражалъ ту самую мысль какъ бы въ самомъ ея осуществленіи“¹⁵⁵⁾.

„Замѣчательно, при какихъ обстоятельствахъ онъ говорилъ это. Я безпокоился о долгахъ, наживаемыхъ мною по моему невниманію къ житейскимъ вещамъ. О. Петръ плюнулъ на это житейское попеченіе. И когда я при семъ подумалъ: „развѣ не толкованіе ли Апокалипсиса выручитъ меня изъ долговъ“,—то Старецъ на мои мысли и отвѣчалъ въ ту же минуту: „а нѣтъ, не деньги принесетъ эта книга, а громъ градъ и дождь“¹⁵⁶⁾.

Когда православная Россія сознаетъ свое назначеніе, тогда оцѣнить, что Западъ выработалъ пригоднаго и питательнаго для истиннаго знанія,—все это православною мыслию будетъ, такъ сказать, изжевано и претворено въ ея сокъ и кровь. Такъ откроется торжество православнаго разума, мудрствующаго о Христвѣ и у него черезъ вѣру поучающагося,—такъ состоится пиршествво православной науки, на которой будетъ всего въ преизобиліи довольно для насыщенія всѣхъ парящихъ посредѣ небесе птицъ, для удовлетворенія всѣхъ стре-

¹⁵⁵⁾ Ib. 42—4.

¹⁵⁶⁾ Тетрадь 72-ая.

¹⁵⁷⁾ Тетр. 70-я.

мящихся къ чистому и живому во Христѣ знанію о всѣхъ предметахъ Божескихъ и человѣческихъ. Такъ, прибавимъ. „Божія Матерь ущедритъ Своихъ питомцевъ, — это новое, столь еще юное и слабое теперь, поколѣніе обновляющагося въ нашемъ духѣ и жизни православія“¹⁵⁸⁾.

Духовному оку всемірнаго благочиннаго были открыты не только судьбы Запада, но и настоящее состояніе Россіи, равно какъ и будущее ея торжество.

Выраженія и проявленія свѣта и силы тайны Христовой, конечно, могутъ обозначаться и быть изучаемы и со-внѣ, какъ бы начертаніе имени вселившагося въ насъ своею благодатію Христа Бога-Слова во плоти; но внутреннія глубины сей тайны не исчерпаемы и неизслѣдимы ни для кого, развѣ какъ для самаго ума Христова и Духа Его, такъ что тайна Христова, въ своей силѣ и живой истинѣ, можетъ быть познаваема только подѣ условіемъ и по мѣрѣ внутренняго причастія въ самомъ умѣ и духѣ Христовомъ (1 Кор. 11, 9—16). Сіе-то самое и значить, что внутренній смыслъ Своего имени знаетъ только Самъ Богъ. Итакъ, внѣшне-законный буквализмъ Православія, мнящійся владѣть тайною Христовою чрезъ одно изученіе или безпрекословное принятіе догматическихъ ея опредѣленій, безъ проникновенія въ ихъ духъ и силу, — будетъ въ свое время признаваемъ въ Православной Россіи какъ бы не подлиннымъ или подложнымъ именемъ Христовой истины или Православія. Напротивъ вѣра православныхъ русскихъ будетъ подвизаться достигать того, чтобы умъ и сердце всецѣло подчинять Христу, дающему сообщаться съ Собою особенно въ Св. Таинствахъ, и чтобы, такимъ образомъ, въ духѣ и истинѣ принять и носить Самого Христа, самого воплотившагося для насъ Бога Слова. Который Единъ знаетъ Свое имя въ его силѣ и истинѣ. Мы говоримъ собственно объ общемъ направленіи и стремленіи вѣры; а само собою разумѣется, что она будетъ обнаруживаться въ разныхъ степеняхъ и возрастахъ духовныхъ — въ иныхъ зрѣлая, въ другихъ возрастающая, въ прочихъ младенчествующая. Довольно того, что мертво-формальное направленіе вѣры не возможетъ тогда укрыться, какъ теперь, подѣ начертаніемъ имени Хри-

¹⁵⁸⁾ Тетр. 73-ья.

стова, какъ будто оно и состоитъ только въ одной наружности или формѣ; тогда какъ истинная сила и подлинный смыслъ сего имени столь неисчерпаемо глубоки и дѣйствительны, что только Самъ Христосъ знаетъ Свое имя; и что, слѣдовательно, для овладѣнія истиннымъ начертаніемъ сего имени необходимо, чтобы не погребенъ былъ въ насъ, а воскресъ и жилъ Своею благодатію Самъ Христосъ. Будетъ это свѣтлое Христово воскресеніе въ Россіи! Только когда?—Послѣ какихъ испытаній?!..“ ¹⁵⁹⁾ Истинное знаніе удѣль пока немногихъ избранныхъ. Такъ о. Петръ имѣетъ умъ имѣющій мудрость, а вмѣстѣ съ нимъ и свидѣтельство Иисусово—духъ пророчествія... „Ангель возвѣстилъ св. Іоанну Богослову, читаемъ въ 70 тетради „Объ Апокалипсисѣ“, что къ назначенному для раскрытія тайны Апокалипсиса времени найдутся разумѣющіе вѣроу, что слѣдовать рабствующему страстямъ, вѣроующему только въ себя разуму и неправомысленной наукѣ, — значить прилагаться человѣку къ скотамъ безмысленнымъ или звѣрямъ человѣкоубійственнымъ;—что такіе возревнуютъ всею душею о предоставленной человѣку славѣ имѣть въ себѣ образъ Божій, или, что то же, быть сообразными образу Единороднаго; они для возстановленія въ себѣ сего образа будутъ жить и дѣйствовать только по началу и въ духъ вѣры во Христа, вочеловѣчившагося Бога Слова; войдутъ чрезъ сіе въ общеніе чрезвычайныхъ даровъ Св. Духа и, между ними, причастія духа пророческаго, которымъ и разрѣшится для нихъ, а чрезъ нихъ и для другихъ, печать сокровенности, дотолѣ долженствующая запечатлѣвать Апокалипсисъ; что, по сему, слава раскрытія и оправданія подлиннаго пророческаго смысла Апокалипсическаго, хотя сіе должно совершиться при сослуженіи Ангельскомъ,—подобаетъ единой благодати Божіей, открытой для вѣроующихъ въ Господа Иисуса и свидѣтельствующихъ Его истину съ готовностію на самое мученичество за оную. Таковъ-то и есть, съ своими вѣрными и послушными дѣтьми, вышеупоминаемый Старець Божій Отець Петръ, по благословенію и внушенію котораго пишется сіе толкованіе, и который прямо говорилъ объ этомъ толкованіи: „не деньги принесетъ эта книга, а громъ,

¹⁵⁹⁾ Ib.

градъ и дождь“, — громъ величественныхъ провѣщаній Божественныхъ, градъ строгости и прещеній, направленныхъ вопреки симъ провѣщаніямъ (такъ какъ градъ не согласуется съ громомъ) и уже наконецъ дождь благодати.

Итакъ, раскрытіе православія учителя и его ученика представляются одинаково. Оно—любовь, дающая сообразность однородному, устрояющая челоуѣка въ члена Церкви. Гармонически развитая подъ материнскимъ руководствомъ Церкви духоносная личность гармонически же входитъ въ составъ членовъ тѣла Христова и сама по себѣ, внѣ этой связи, ничтожна, грѣховна. Углубленіе въ той или иной мѣрѣ въ духовную жизнь, иначе—мѣра воцерковленія является основой различнаго жизне—и вѣросознанія, различнаго осознанія или исторіи Церкви.

Въ самомъ дѣлѣ, у о. Петра раскрытіе православія—личное выполненіе Христовымъ духомъ самопожертвованія, любви, подъ руководствомъ Церкви. Во-вторыхъ, о. Петръ, а за нимъ и нашъ богословъ, говоритъ о постепенномъ раскрытіи идеи Церкви. Единая православная Церковь открывается съ разныхъ сторонъ. Пока „духовное движеніе къ свѣту Христову идетъ безотчетно, — по-женски, сердечно, — тогда и Церковь осознается въ первообразѣ женщины—Богоматери-Дѣвы. Припомнимъ, что о. Петръ придавалъ женщинѣ съ развитіи жизни православной важное значеніе, значеніе „азбучки“ при первоначальномъ обученіи, съ этою мыслью и цѣлью онъ основалъ монастырь Софійскій. И Бухаревъ въ V-мъ отдѣленіи „Исслѣдованій Апокалипсиса“ подробно выясняетъ великое знаменіе явленія жены на солнцѣ, какъ знаменіе православной Церкви, представляемой женою-Богоматерію. Въ своей книгѣ „Нѣсколько статей объ ап. Павлѣ“ онъ такъ поясняетъ знаменованіе Церкви лицомъ Богоматери: „Должно... замѣтить, что Христосъ Богочелоуѣкъ и по отношенію къ своей пречистой Матери также, какъ по отношенію къ Небесному Отцу, названъ первенцемъ или перворожденнымъ... См. Мѡ. I, 25; Лук. II, 7. Въ какомъ же смыслѣ Онъ называется по отношенію къ Пр. Богородицѣ-Приснодѣвѣ перворожденнымъ? Не въ томъ, какъ въ такомъ же, что Христосъ Господь, имѣя въ ней Матерь своего Богочелоуѣчества, чрезъ это самое открытъ въ ней благодатную Матерь и для своихъ сопричастниковъ или всего рода хри-

стианскаго. Вѣра наша уже и сама-собою разрѣшаетъ сей смыслъ названія Христова первороднымъ у самой Богоматери, признавая въ Ней свою во Христѣ Матерь по благодати. Также рѣшительно утверждается апокалипсическимъ видѣніемъ Жены (въ 12 гл. Ап-са), въ которой,—при общемъ знаменованіи симъ образомъ Церкви и ея судьбъ,—нельзя не примѣчать и отвѣта лица самой Богоматери: ибо сія Жена представляется родившею Сына. Иже унасетъ вся языки жезломъ желѣзнымъ (ст. 5), а таковъ существенно есть, и еще въ В. Завѣтѣ (во 2-мъ пс.) названъ, Самъ Христосъ. Въ семъ видѣніи, кромѣ Сына мужеска, у сей Жены указуются еще сущіе отъ Ея сѣмени, поне соблюдаютъ слово Божіе и имѣютъ свидѣтельство Иисусъ Христово (ст. 17). Это, по отношенію къ лицу Богоматери, значитъ, что она есть въ собственномъ смыслѣ Матерь Христа Бога, а въ Немъ—благодатная Матерь и Его сопричастниковъ; и слѣд. Христосъ есть первородный, не стыдящійся называть братією вѣрныхъ своихъ послѣдователей, — и по отношенію къ своей Пречистой Матери“.

Истинно-православное монашество, по мысли Бухарева, — вотъ наиболѣе выразительный образъ непорочнаго дѣвства Богоматери. Но православная Церковь, представляемая лицемъ Богоматери, сама въ своей исторіи есть уготованіе Невѣсты Агнца. Если дѣвственницы приготавливаютъ приданое для жениховъ, а женихи—монахи, то послѣднимъ Церковь открывается въ новомъ видѣ,—Невѣста Агнца,—мужской разсудочности—представляется какъ духовно-живой храмъ Софіи Премудрости Божіей. Вотъ идеальный образъ тѣла Христова, православія, по внутреннему существу и въ полнотѣ раскрытія. Видимымъ символомъ этого духовно-живого храма православія о. Петръ и Бухаревъ считаютъ храмъ Софіи Премудрости Божіей въ Константинополѣ. Поэтому и въ рыбнскомъ монастырѣ созданъ не просто храмъ во имя Богоматери, но въ честь Софіи, Премудрости Божіей. Эти соображенія опираются на пророчества о. Петра о коронованіи русскаго православнаго царя въ Константинопольскомъ Софійскомъ храмѣ, приведеннаго нами въ цѣломъ видѣ,—Бухаревъ передаетъ пророчество полнѣе и конкретнѣе: „Упоминаемый выше о. Петръ, — достойный представитель ума, имѣющаго му-

дрость,—увѣнчаніемъ своего дѣла—устроить во Христвѣ благочиніе и миръ въ мірѣ,—представляетъ имѣющіе послѣдовать въ храмѣ Софійскомъ помазаніе и вѣнчаніе православнаго царя для православнаго Востока чрезъ 9 лѣтъ отсель („Писано это“, замѣчаетъ А. М. Бухаревъ, 1855 г. Марта 5-го дня“) и именно 22-го Августа, подобно какъ было помазаніе и вѣнчаніе Императора, блаженной памяти, Николая I-го по утишеніи смуть, въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ 1825 года 22-го Августа“¹⁶⁰). Въ другомъ мѣствѣ (тетрадь 64-я) поясняется, что къ этому времени именно относится гибель Вавилона. Вотъ почему и для православія время этихъ годовъ кажется самому Бухареву страшно-критическимъ¹⁶¹).

Пророчество не оправдалось, но оно краснорѣчиво говорить о степени зависимости нашего богослова отъ старца о. Петра въ основномъ пунктѣ—пониманіи православія.

Эта же зависимость замѣтна въ исторіи ветхозавѣтнаго осознанія идеи Церкви, какъ оно представляется нашимъ богословомъ въ книгѣ „Печаль и радость по слову Божию“, въ очеркѣ о „Пѣсни пѣсней“, къ которому мы отсылаемъ читателя¹⁶²).

Есть еще одинъ пунктъ въ системѣ Бухарева, который не уменьшая значенія о. Петра въ нравственномъ переворотѣ А. М., чрезвычайно важномъ для осознанія идеи Церкви и оцѣнки состоянія современной ему русской церковной жизни, даетъ возможность отмѣтить, въ какой области руководство старца отразилось сравнительно менѣе.— Это въ вопросѣ о знаніи. При надлежащемъ (на основаніи вѣры), развитіи умственной дѣятельности по Бухареву, является просвѣщенная вѣра, нѣкоторая высшая форма вѣдѣнія. Теперь, если переворотъ „книжника-фарисея“— о. Феодора—выразился въ своеобразномъ подвижничествѣ, въ защитѣ своего толкованія Откровенія, то при кризисѣ нравственномъ предшествующая умственная дѣятельность его не только не оказалась ложною, но получила большую

¹⁶⁰) Тетр. 62-я.

¹⁶¹) См. примѣч. 145-е.

¹⁶²) „Печаль и радость“, очеркъ кн. „Пѣсьнъ пѣсней“, изъ главы. „По какимъ потребностямъ церкви и въ какихъ личныхъ обстоятельствахъ Соломона написана имъ „Пѣсьнъ пѣсней?“.—стр. 99—107, 119. 125—6.

цѣну. Поэтому, указывая на о. Петра, какъ на замѣчательнаго руководителя въ области мысли и жизни, мы не должны забывать, кому обязанъ А. М. Бухаревъ подготовкой къ слушанію таинственныхъ лекцій угличскаго мудреца. Мы уже указали на академическаго наставника Бухарева,— прот. Ѳ. А. Голубинскаго; отмѣтили также, что эта зависимость осознается А. М.—чѣмъ, вѣроятно даже менѣе, чѣмъ то было въ дѣйствительности. По существу, славянофиль—о. Феодоръ и въ этомъ отношеніи не стоитъ совершенно особнякомъ¹⁶³), но въ его лицѣ очевидна и та связь Академіи съ народнымъ религіознымъ опытомъ, который является основой славянофильства и по которому можно судить о жизненности нашей Церкви.

Свящ. А. Бѣлоручковъ.

¹⁶³) См. брошюру *С. Дурылина*—„Церковь невидимаго града“, стр. 4—5: ср. „Столпъ и утверженіе истины“, Свящ. *А. П. Флоренскаго*, главу о Софіи, въ которой авторъ упоминаетъ архим. Феодора.